

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАСЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Е. А. Крейнович

**ИЗ ЖИЗНИ ТУНДРЕННЫХ ЮКАГИРОВ НА РУБЕЖЕ
XIX И XX ВВ.**

Натуральное хозяйство, в условиях которого жили тундренные юкагиры на рубеже XIX и XX вв., имело циклический характер, что обуславливалось главным образом сменой времен года. Однако систематического исследования годового кругооборота их хозяйственной деятельности не производилось. В специальной литературе по этому вопросу имеются лишь отрывочные данные. В. И. Йохельсон, самый крупный исследователь быта и языка юкагиров, изучал главным образом колымских юкагиров. Изучением тундренных юкагиров он занимался в течение января, февраля и части марта 1897 г. Из его первой работы, посвященной этой группе юкагиров, об их хозяйственной деятельности можно узнать следующее: «Главной пищей этих оленных людей служит рыба, добываемая... в реках Алазее и в Большой Чукочьей и в многочисленных озерах Тундры» [7, 12]. «Побочным источником питания служит охота на диких оленей. Главный промысел оленей производится весной по насту, когда олени из лесов направляются для летнего пребывания к морскому берегу или на острова. Тогда говорят юкагиро-тунгусы, слух дикого оленя притупляется. Зимой же промысел на него трудный: олень не подпускает к себе, он слышит шум на далеком расстоянии... Трудна также охота на оленя осенью во время любовного сезона. Летом тоже по временам удается убить оленя на озере, куда он заходит, спасаясь от комаров, или подкрадываться к нему на тундре, ползая брюхом по мокрым мхам, ибо там нет деревьев, за которыми охотник мог бы скрыться во время частого оглядывания назад преследуемого оленя. Интересно указать, что тундренные охотники употребляют еще на охоте главным образом... лук и стрелы, в то время как у верхнеколымских юкагиров... мы уже находим почти исключительно кремневую винтовку» [7, 13—14]. «Значительным подспорьем в питании служит еще летом перелетная птица. Утки, гуси и лебеди убиваются всякими способами — стрелами, петлями и сетями, а во время линяния — просто палками» [7, 14].

В основной монографии В. И. Йохельсона о юкагирах также нет специального раздела, посвященного описанию их хозяйственной деятельности [14].

Новые факты об этой стороне жизни тундренных юкагиров сообщает И. С. Гурвич. «Некоторые данные для суждения о древнем хозяйстве юкагиров-оленоводов, — пишет он, — дают расспросные этнографические материалы, полученные нами у оленеводов Индигирки... юкагиры занимались главным образом охотой на диких оленей, переходя от границы

лесов к морю и обратно» [6, 37]. «Зимой охотники преследовали диких оленей на нартах, осенью охотились при помощи манщиков, летом загоняли небольшие стада диких оленей в озеро, где подстерегавшие их охотники приближались к ним на лодках и кололи их копьями» [5, 14]. «Главной пищей тундровых юкагиров все же была рыба, а не мясо. Летом и осенью в озерах и мелких речушках ставили сети из конского волоса. Часть членов семей оленеводов на сезон рыболовства оседала около озер. В связи с этим родственные семьи на лето объединяли оленей. Пушная охота сводилась к добыче песцов, лисиц и горностаев» [5, 149].

Таковы в сущности основные данные о хозяйственной деятельности тундренных юкагиров, известные из литературных источников.

В основу настоящей статьи положены материалы, собранные мною за период с 29 апреля по 27 июня 1959 г., во время работы в качестве языковеда в составе Комплексной юкагирской экспедиции Якутского филиала Академии наук СССР. Материалы собирались среди тундренных юкагиров селения Колымское, расположенного на левом берегу р. Колымы, напротив устья реки Омолона. Моим главным информатором был юкагир Николай Трифонович Трифонов. Встреча с ним сыграла большую роль в изучении тундренного диалекта юкагирского языка [10]. Отцом информатора был юкагир *Сақлэң*, что в переводе на русский означает «Сова». В 1959 г. ему было 105 лет¹. Это был красивый, стройный, крепкий человек, который еще занимался рыбной ловлей и охотой. Вместе со своей второй женой (70 лет) он самостоятельно вел свое хозяйство. Мать информатора *Аннаган* была эвенкой, разговаривавшей, однако, с мужем и с детьми по-юкагирски². В 1903 г. на реке *Лабунмэдэну* — Куропаточной реке, она родила двойню — Николая (моего информатора) и Варвару, которая до сих пор еще живет в Колымском. Варвару воспитывала мать, а Николая взял к себе на воспитание дед по отцу *Ласер*. Дед и бабка были чистыми юкагирами. Дед знал много юкагирских преданий, сказок, песен. Рассказав внуку что-либо, он требовал, чтобы тот в точности повторил услышанное. Видимо, эта тренировка развила память Н. Т. Трифонова, который до сих пор может отчетливо вспомнить все, о чем ему в детстве поведал дед, а также свидетелем чего он был сам.

От своего деда и других стариков Н. Т. Трифонов слышал, что некогда тундренные юкагиры жили не в этих местах, а где-то на юге, в верховьях рек, откуда затем бежали в тундру.

О своем дедушке Ласере и его младшем двоюродном брате одноглазom старике Антоне (песни которого приводятся здесь) Н. Т. Трифонов вспоминал всегда с душевной теплотой. Он рассказывал, что они были очень умные и высоконравственные люди, которых интересовала не только окружающая жизнь, но и вопросы мироздания. Н. Т. Трифонов помнит, что, когда он был маленьким, Антон пришел к Ласеру и спросил его, где находится конец земли. Ласер объяснил ему, что земля — остров, держащийся на воде, но Антон сказал, что не понимает, как это земля может держаться на ней. Тогда Ласер пояснил, что *қојл* 'бог' положил немного земли на утку (*уоқадиз* — савку), а в середину земли — щуку и пустил все это плыть по воде. Потом все покрылось пылью,

¹ В пос. Колымское мне пришлось видеть еще одну долгожительницу — Марию Егоровну Ягловскую. Юкагиры говорили, что ей 120 лет.

² Юкагиры и некоторые эвенки, которые мне встречались, многоязычны. Они свободно владеют языками окружающих их народов. В детстве Н. Т. Трифонов разговаривал только по-юкагирски, затем овладел языками эвенским, чукотским, якутским, а в Ленинграде в Институте народов Севера — русским [см. также 5, 222].

и так земля стала. Однако Антон сказал Ласеру, что он не все понял. Этот рассказ, записанный по-юкагирски, замечательен тем, что изображает их пытливыми, задумывающимися над проблемами бытия, но в силу неразвитости опыта решающими их посредством воображения.

Совмещая лингвистические исследования с этнографическими, я просил Н. Т. Трифонова рассказывать мне на юкагирском языке о жизни юкагиров периода его детства. Меня интересовал главным образом годовой кругооборот хозяйственной деятельности тундренных юкагиров, а на фоне его — их общественная и духовная жизнь. Постепенно я разъяснял ему, какой круг вопросов меня интересует, чтобы настроить его память на соответствующие воспоминания. В результате мне удалось получить от него на юкагирском языке (а затем в порядке расспросов и на русском) некоторые этнографические сведения по интересовавшим меня темам. Наиболее важная часть этих материалов приводится в статье. Они даны в моем изложении, а в единичных случаях — в переводе. Последний заключен в кавычки.

Н. Т. Трифонов принадлежит к юкагирскому роду *Алаји*. Все рассказанное им отражает главным образом жизнь юкагиров этого рода. Прилагаемые к статье карта кочевий юкагиров этого рода, как и рисунки жилищ, выполнены Н. Т. Трифоновым.

Описание собранных данных начинаю с изложения некоторых сведений о социальных отношениях у тундренных юкагиров.

(1) Алајипэң эд'илпэги титэбани. (2) Н'иңэмд'ијил' јатақадэ элниэд'инунну, н'ин'анд'ирэң н'иэд'инунци. (3) Waj н'иңакајил'пэң н'иңқыэјил'пэң н'ин'анд'ирэ н'иэд'инунци. (4) Тада:т wiэнл'эпулн'эдэ эл'нин'анд'и: нунну, аман'эј эн'иэн'эдэ эл'нин'анд'инунну. (5) Титтэ т'удэwt'эбанэ нимэрэјд'и: элмэннунну. (6) Сабарэл'эд'и:бат элд'удэwt'эбат нимэриэ-нунци. (7) Таңнигинэ лугујэд'и: монулпэги моринуну: (8) «Т'удэwt'э мэд'ил мэң'ан'ит'». (9) Конмэгист'элэдэ, т'удэwt'э мэд'уолдэ, эламутнэн эннун көтэң, эври мэјаба:нуни». (10) Тауулэк моннуци — н'ан'ит' варинэң. (11) Мэт лэјтэјқанэ, појуол'э нимэдэмулэк ма:рқалл'эба эннунд'эли, қануојинунд'эли. (12) Ақ т'удэwt'э јанубајрэлэк эвриэнунд'эли, қануојинунд'эли, сабарл'э гөдэ мэралбамлалунни. (13) Мит эд'ил н'ид'амбаба паули л'эј. (14) Ма:рқан т'уңрэлэк эвриэнунд'эли, ма:рка т'уораскэ ит'уол. (15) Кинба л'э — јawnэр лэгуј; кинба л'э јawnэр ма:р-јэл'и,— јawnэр н'ид'амбаба. (16) Тауулэк т'удэwt'эпул н'иланудэн н'иwaјт'энунци, та:т эд'илцин'. (17) Конмэгист'элэдэ, монуолдэ, н'иwal' мэд'уолдэлэк, н'аба т'амумунунци, н'аба лугумунунци, мит эд'ил та:т-пани.

«(1) Юкагиров (рода) *Алаји* жизнь (досл. жизнь их)³ такая была. (2) С младшим братом — младшей сестрой напрямую не говорят, со взаимным стеснением разговаривают. (3) Еще со старшими братьями и старшими сестрами со взаимным стеснением разговаривают. (4) Вот с друзьями взаимно не стесняются, с матерью, с отцом взаимно не стесняются. (5) Своих родных женящиеся люди не берут. (6) От посторонних людей, от не родных людей в жены берут⁴. (7) В то время как старые люди говорили, я слышал: (8) „Родственницу (досл. родственника) в жены

³ В круглые скобки заключены варианты перевода, либо слова, позволяющие лучше понять текст.

⁴ Отмечая «эндогамический характер брака у юкагиров», В. И. Иохельсон сообщает, что «сожителство двоюродных братьев и сестер не считается грехом» [7, 22—23]. Между тем Н. Т. Трифонов утверждает, что это «грех крепкий», и говорит об экзогамном характере брака у юкагиров [см. также 2]. Случаи эндогамии, отмечаемые В. И. Иохельсоном, несомненно, являются исключениями и результатом распада экзогамии.

взять — грех. (9) Во-вторых, если родственницу взять, нехорошо живет человек, либо умрет⁴. (10) Поэтому сказывают — грех крепкий. (11) Как я помню, много домов воедино жили, кочевали. (12) Только родственники, собравшись, ходят, кочуют, постороннего человека мало бывает. (13) Наша жизнь во взаимной помощи стояла. (14) Одним умом ходили, в один котел смотрели. (15) У кого (что) есть — все едят, у кого что есть — все надевают, — все во взаимной помощи (живут). (16) Поэтому родственники в одну сторону (досл. во взаимную сторону) взаимно тянут, так к жизни (все делается). (17) Во-вторых, говорят, вместе родившись, вместе растем (досл. большими становимся), вместе стареем. Наша жизнь такая была».

В приведенном тексте большой интерес представляет термин «родня», «родственник» *т'удэшт'э* дословно 'мяса конец', 'мясной конец', 'мясное острие' (*т'ул* 'мясо', *эшт'э* 'конец', 'острие'; *игијэнэшт'э* 'конец ремня, веревки'; *т'обајэдэшт'э* 'острие ножа'), *мэт т'удэшт'э кэлул* 'мой родственник пришел'⁵.

Переходя к описанию родственной терминологии, употребляемой членами одного *т'удэшт'э* — рода (этот термин применяется нами условно, так как сущность данной юкагирской общности окончательно еще не выяснена), отметим прежде всего следующие слова:

Мужчины

пэлдудиэ старик⁶
көдэ (ң) мужчина, человек
адил юноша
көд'эдуө мальчик⁷
уө дитя

Женщины

апанала:ң старуха
пајп женщина
марқил' девушка
пад'эдуө девочка⁸
уө дитя

ицијэдуө новорожденный

Этими словами обозначаются половые и возрастные различия между людьми. Отношения же родства и свойства выражаются следующими терминами:

қайт'иэ дедушка (отец мужа, отец жены)
ама: отец
ака акад'эң, којдиэ⁹, т'анмэ старший брат
эмд'эң младший брат
н'угэл сын брата отца
адуө сын
уодуө внук
т'умуот'иэ старший брат отца
от'идиэ 'младший брат отца
қашд'а старший брат матери

абут'иэ бабушка (мать мужа, мать жены)
эн'иэ, и:ша мать
экыэ, экыэд'эң старшая сестра
эмд'эң младшая сестра
н'угэл дочь брата отца
мақл'уө дочь
уодуө внучка
эпиэ старшая сестра отца
эшд'уо младшая сестра отца
т'амија старшая сестра матери

⁵ В значении «родственник» мною записаны еще слова: *т'измэјашул* (дословно 'кровяной след', *т'измэ* 'кровь', *јашул* 'след' и *савадэбал* (дословно 'край шкуры', *сава* 'шкура', *эбал* 'край'), *т'измэјашул (савадэбал) кэлул* 'родственник пришел'.

⁶ Корнем этого слова является, возможно, компонент *пэл-*, связанный с корнем глагола *пэл-* 'достигать' (ср. *пэл-у-м* 'достиг -он').

⁷ Из слов *көд'эдуө* 'мальчик' и *көдэ (ң)* 'человек' вычленяется корень *кө-* со значением мужской особи.

⁸ Из слов *пад'эдуө* 'девочка' и *пајп* 'женщина', 'самка' вычленяется корень *па-* со значением женской особи.

⁹ В. И. Йохельсон отмечает, что *којдиэ* — это исконный термин у юкагиров рода Алаји (Алазейский род), а *ака*, как и *экыэ*, заимствованы от тунгусов [14, рт 1, 69].

қағд'идиэ младший брат матери
пэлур муж
қағд'ал старший брат жены
т'умуот'иэп старший брат мужа

пул'ијэ зять
н'ајл уважительное обращение
жены сына или мужа дочери
к родителям мужа или жены
кэл'ил чужой мужчина, женатый
на родной сестре моей жены
(уважительное обращение)

ја:диэ младшая сестра матери
миријэ жена
т'амијал старшая сестра жены
эпиэп старшая сестра мужа
ја:диэп младшая сестра мужа
и:диэ жена старшего брата
н'ајл жена младшего брата; же-
на сына

н'ајнгөнмэ женщина, находящаяся
замужем за родным братом
моего мужа

Термины родства у юкагиров не могут еще считаться окончательно изученными и подлежат дальнейшему исследованию¹⁰.

Особо следует еще отметить слова, являющиеся формами обращения:

көнмэ (ң) 'друг' — слово, с которым супруги обращаются друг к другу. Так, например, в оригинале песни, перевод которой здесь приводится (см. стр. 82), говорится: *эл'ин јэшлигимэң амад'имэң мэт көнмэ Праскошја* 'сначала желанная, любимая моя жена (мой друг) Прасковья'.

Амаңа также *амуө* 'внучек' — слово, с которым старики обращаются к внуку (дед Ласер обращался к Н. Т. Трифонову, когда тот был маленьким, со словом *амуө* — вероятно, 'любимое дитя'; ср.: *амэд'ил* 'любить', *уө* 'дитя').

Эн'иңэ, также *ин'э:ј* 'внучечка' — слово, с которым старики обращаются к внучке.

Моңојд'и:(ң) 'замужняя женщина' (дословно 'шапочная'¹¹ или 'шапочные люди' — *т'и:ң* 'люди') — слово, с которым обращаются и которое употребляют, когда говорят о замужней женщине, хозяйке. Обращаться к ней (да и к любой женщине) со словом *пајл*, имеющим также значение 'самка животного', считается неудобным.

Теперь рассмотрим формы обращения между лицами, охватываемыми обычаем взаимного избегания, стеснения — *н'анд'ил*, о котором говорится в приведенном выше тексте. Он соблюдается не только между родными и двоюродными братьями, но и между братьями в отношении их жен, а между женами — в отношении братьев и мужей; невесткой — в отношении свекра, свекрови, и обратно; зятем — в отношении тестя, тещи, шурина, и обратно. Таким образом, обычай *н'анд'ил* подчиняет себе большое число родственников и свойственников, заставляя их держаться в твердых нормах общения друг с другом. Это находит отражение и в языке, и в других формах поведения. Обращаясь друг к другу, эти лица употребляют лишь личные местоимения множественного

¹⁰ Впервые термины родства тундренных юкагиров были описаны В. И. Иохельсоном [см. 8, 238—239; 14, 68—75]. В 1959 г. термины родства тундренных юкагиров исследовались мною в пос. Колымское. В 1963 г. они изучались в пос. Андриюшкино на Индигирке юкагиром Г. Н. Куриловым [см. 11]. Эти новые данные значительно дополняют термины родства, опубликованные В. И. Иохельсоном. Материалы, собранные мною и Г. В. Куриловым, в основном совпадают, что свидетельствует о единстве терминов родства у всех современных тундренных юкагиров.

¹¹ *Моңоң* 'шапка'. Современные шапки у тундренных юкагиров — чукотского типа. Старинные национальные шапки, по словам юкагиров, не имели донышка и были с отверстием сверху.

числа *тит* 'вы', а указательные местоимения — только в форме множественного числа (суффикс *-л*). Уже с раннего детства дети приучаются к тому, чтобы говорить друг другу *тит* 'вы', а не *тэт* 'ты' (но родителям и посторонним они говорят 'ты'). При ответе же на обращение 'вы' употребляются формы слов в единственном числе. (В скобках указаны показатели лица, присоединяющиеся в конце к глаголу.)

1. *Тит* куодэң эн'мут? 'вы же живете [вы]?' *амутнэң энд'эң* 'хорошо живу [я]'.

2. *Тит* нэмэлэ шиэнумк? 'вы что делаете [вы]?' *өлд'элэ шиэнумэң* 'лодку делаю [я]'.

3. *қадик* кэшэјтэл? 'который (из двух) пойдет (например, в стадо)?' *туңуп* кэшэјтэл 'эти пойдут [они]' вместо *туңун* кэшэјтэј 'этот пойдет [он]' скажет отвечающий в отношении лица, охваченного для него обычаем *н'анд'ил*.

Примечательно, что в некоторых случаях суффикс множественного числа служит уже не формой выражения уважения, но средством образования новых терминов родства, ср.: *т'умуот'иэ* 'старший брат отца' и *т'умуот'иэл* 'старший брат мужа'; *қақад'а* 'старший брат матери' и *қақад'ал* 'старший брат жены'; *эпиэ* 'старшая сестра отца' и *эпиэл* 'старшая сестра мужа'; *т'амија* 'старшая сестра матери' и *т'амијал* 'старшая сестра жены'; *ја:диэ* 'младшая сестра матери' и *ја:диэл* 'младшая сестра мужа'. Отмечается, что словами на *-л* именуется только свойственники — братья и сестры мужа и жены. Многие термины родства оканчиваются компонентом *-иэ*, который является, вероятно, суффиксом со значением уменьшительности и ласкательности. Обращает на себя внимание также корень *қаш-*, встречающийся в терминах родства с женской стороны.

Кроме речевых имеются еще и другие запреты, связанные с обычаем избегания:

Брату и сестре запрещается сидеть рядом, есть из одной тарелки, пить из одной чашки, курить из одной трубки, показывать друг другу свою нижнюю одежду.

Брат с братом и сестра с сестрой могут сидеть рядом, но им запрещается спать вместе и прикасаться руками друг к другу.

И сестрам, и братьям запрещается сидеть рядом с женой брата.

Женам братьев запрещается вместе спать.

В случае смерти родного или двоюродного брата братья не могут жениться на вдове, но помогать оставшимся детям им разрешается.

Если вдова захочет выйти замуж, то она должна спросить на это разрешение у брата умершего мужа, но не у своего родного брата. Последний в этом случае не станет разговаривать с ней и даже прогонит ее. Если у умершего нет братьев, вдова должна обратиться к отцу своего бывшего мужа, но не к родному отцу. Раз женщину выдали замуж, она должна разговаривать только с той родней, куда ее отдали. С момента венчания она становится чужой для своих прежних родственников. Если отец состарится и будет нуждаться, он придет к сыну, а не к дочери. К последней он вправе прийти только в том случае, если у него нет родных сыновей.

Если родители умерли, то о замужестве сестры́ будут разговаривать с ее старшим братом. Если же остается одна дочь, то о ее замужестве будут разговаривать с кем-либо из родных отца.

После смерти родителей наследство переходит только по мужской линии к самому младшему сыну, если даже он младенец. Если мальчик постарше, у него спрашивают, с кем он хочет жить. Он может указать на брата или сестру и перейти к выбранному им лицу на воспита-

ние вместе со своим наследством. Если родных братьев и сестер нет, сироту вместе с наследством берет к себе родной брат отца или *н'угэл* 'сын брата отца'. Во всех случаях, когда сирота подрастет, наследство возвращается к нему.

Если после смерти родителей остается только одна девочка, то ее на воспитание берет к себе брат отца или сын брата отца вместе с принадлежащим ей наследством. Когда она вырастет и ее выдадут замуж, то вместе с ней будет дан калым, остальная же часть наследства останется у воспитателя. Видимо, у юкагиров хозяйство не должно выходить за пределы рода вместе с женщиной.

Жену сперва приводят к себе домой. Если же ее родственники требуют, чтобы зять перешел к ним или он сам изъявляет такое желание, то его родственники собираются и обсуждают вопрос, отпустить его или нет, а также выясняют, согласны ли его принять в другом *т'удэшт'э*.

Слово *нимэрэл* 'жениться' дословно означает 'приобрести чум' (*нимэ* 'чум', 'жилище'), *нимэтэл* 'женить' дословно 'снабдить чумом' (ср.: *мэт мэрилэрэжэ* 'я приобрел оленя', но *мэтқанэ мэрилэтэм* 'меня снабдил оленем'; *илэ* 'олень'). Как только молодые женятся, родители мужа стараются выделить его в отдельное хозяйство — снабдить чумом, оленями, нартой, утварью. Родители жены также помогают, но меньше.

Выделившись в отдельный чум, новобрачные представляют собой уже самостоятельную хозяйственную единицу.

В определенные периоды года, о которых будет сказано ниже, каждое семейство жило своей самостоятельной жизнью и кочевало некоторое время отдельно от других хозяйств. Однако когда приближалось время охоты на диких оленей, юкагиры собирались вместе и обсуждали вопрос об организации небольших временных групп во главе с *кэжад'эдиэрум'э* 'передовым охотником' (или *т'омод'эдиэрум'э* 'большим охотником'). К последнему прикрепляли несколько семейств, о которых он обязан был заботиться, т. е. снабжать их оленьим мясом и оленьими шкурами¹².

Н. Т. Трифонов вспоминает, что их кочевая группа состояла из семи хозяйств:

1) Трифонов Трифон Трифонович и его жена Аннат'ан (умерла в 1921 г.), их дети: Николай, Варвара, Иван, Прокопий, Поја (девочка), Кондиэ (мальчик), Окона (мальчик), дедушка Ласер и бабушка — всего 11 человек. Дедушка часто жил отдельно и уезжал к своему двоюродному брату Константину.

2) Курилов Константин и его жена, их дети: Марья, Анна, Кристофор, Егор, их родственники: Гарулины Гавриил, Яков, Александр и Анна, Атласов Прокопий (отец моей помощницы Александры Прокопьевны Атласовой) и его дети: Марья, Степан, Кильтэ (дочь), старик Курилов Иван и его жена — всего 16 человек.

3) Лаптев Илья, его жена Акулина, их дети: Матрена, Марья, Анна, Николай и его жена (родители юкагира Афанасия Лаптева, получившего высшее образование в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена), старик Лаптев Николай — всего 8 человек.

4) Асласов Антон (имел один глаз), его жена, две замужние дочери и их мужья¹³, внучка — всего 7 человек.

¹² Такой же обычай отмечался и у колымских юкагиров [см. 9, 7—10].

¹³ И. С. Гурвич пишет, что у юкагиров «в род входили и кровные родственники по мужской линии, и родственники по свойству — зятья, шурины» [4, 250]. Однако там же он пишет, что «браки у тундренных юкагиров были патрилокальные» [4, 255]. Следовательно, род у юкагиров был патриархальный и зять никоим образом не мог входить в состав рода тестя. Так, например, у нивхов, имеющих патриархальный род, зять,

5) Асласов Ордион, его жена, трое сыновей, одна дочь — всего 6 человек.

6) Третьяков Иван, его жена, двое сыновей — всего 4 человека.

7) Трифонов Василий Трифонович (родной брат Трифонова Т. Т., дядя моего помощника), его жена, дочь — всего 3 человека.

Таким образом, в состав их кочевой группы входило 55 человек.

К сожалению, недостаток времени не дал мне возможности установить родственные отношения между лицами, входившими в состав этой кочевой группы, а также связь этого сообщения с нижеследующим, записанным мною от моего информатора позже.

Н. Т. Трифонов помнит, что во время его детства самым лучшим охотником в их кочевой группе считался юкагир Константин Курилов. Его помощником был отец информатора Трифон Трифонович Трифонов (*Сақләң*). Когда Константин Курилов состарился, Т. Т. Трифонов стал передовым охотником. Его помощником был Егор Константинович Курилов. Кроме того, в его распоряжении находились охотники: Николай Никулин, Александр Гарулин, Иван Курилов, Прокопий Асласов и Яков Гарулин, который считался самым слабым охотником.

По-видимому, эти люди представляли собой своеобразное товарищество охотников, основанное на взаимной помощи, глубоком уважении к передовому охотнику и беспрекословном подчинении ему, хотя по возрасту он мог быть намного моложе других. Личные способности в данном случае, видимо, превалировали над возрастом. Охотники часто отдавали передовому охотнику даже свои пули (которые в то время было трудно доставать), так как предпочитали, чтобы стрелял бьющий без промаха, тем более что добыча была общей.

Передовой охотник действительно выступал как кормилец людей. После переезда от гундренных юкагиров к колымским я записал в том же 1959 г. от жителя поселка Нелемное юкагира Егора Ивановича Шадрина (1904 г. рождения) историческое предание, которое начинается так: «Юкагиры на Коркодоне жили. Удалой юкагир один человек жил. Тех людей он кормил. Зимой сохатого убивает, кочует, ходит». Преследуя двух лосей, он попал на реку Поповку и там убил их. На Поповке ему встретились местные юкагиры, которые голодали, так как их передовой охотник ничего не мог добыть. Тогда последний задумал убить коркодонского охотника, напав на него ночью во время сна, забрать лосей и накормить ими своих людей, что и сделал. Потеряв своего удалого охотника, коркодонцы едва дожили до весны. Встретившись с юкагирами Поповки, они по одному обстоятельству догадались, что те убили их передового охотника. Тогда они наготовили стрелы, догнали убежавших поповцев выше горы *Пиэ́жбул* и вступили с ними в битву. На месте, называемом *Кобол*, они перебили всех поповцев, оставив только одного старика в живых. Это предание показывает, какое важное значение в экономике юкагиров имел передовой охотник.

Если охотник убивал оленя зимой, он распарывал ему брюхо и вытаскивал из него кишки и желудок. Затем олень засыпался снегом, и возле него ставилось пугало, которое устрашало животных и указывало людям, где лежит добыча. Дорога к оленю хорошо была видна по снегу.

Если олень добывался летом, охотник снимал с него шкуру, распарывал брюхо, вытаскивал кишки, желудок, затем отрезал ноги и голову. Тушу укладывал на ветки. Чтобы не вытекла вся кровь, он по возмож-

отрабатывающий за свою жену, может жить у тестя (а следовательно, и находиться в роде тестя) годами, не становясь при этом членом его рода. Возможно, что подобное явление имело место и у юкагиров.

носки затыкал отверстия травой. Голову укладывал мордой внутрь туши, чтобы рога торчали наружу. Потом он покрывал все мясо шкурой и края ее плотно засыпал землей. Затем на этом месте ставилось пугало.

«Юкагиры так же, как и эвенки (тунгусы) и эвены (ламуты), строго соблюдали обычай „нимат“. Сущность его, как известно, заключается в том, что охотник передает свою добычу — тушу оленя или лося — для дележа между членами стойбища кому-нибудь из стариков и пользуется только той частью, которая при этом выделяется ему лично. У юкагиров, по наблюдениям В. И. Йохельсона, промышленнику доставалась кроме части мяса голова убитого им оленя и шкура» [3, 251].

Однако, по сообщению Н. Т. Трифонова, первый олень, добытый перводым охотником, отдавался самому старому человеку — старику или старухе, которые забирали себе шкуру, а мясо поровну делили между всеми. Одинаковую со всеми долю получал и сам охотник.

Если охотник убивал несколько оленей, то от каждого отрезал кусочек жира и клал в мешочек из оленьей кожи. Придя в чум, он молчал, так как говорить о добыче нельзя. Когда садилась еда, он, также молча, вытаскивал из мешочка кусочки жира и клал их перед матерью. По числу кусочков мать узнавала, сколько оленей он убил. Она отрезала от одного или двух кусочков маленькие отрезочки жира и бросала их в огонь. Остальные кусочки она отдавала самым старым жителям чума. Они тоже отрезали по дольке и бросали их в огонь¹⁴, а остальные возвращали матери. Когда заканчивалась еда, мать передавала все кусочки *сашэрэнд'эң* (от *сашасал* 'делить') 'распределителю'. Последний приходил к отцу охотника и выяснял у него обстоятельства охоты. Причем нельзя было говорить об этом прямо и потому употребляли некоторые подставные слова, о которых будет сказано ниже.

После разговора с отцом охотника *сашэрэнд'эң* распределял оленей по своему усмотрению, учитывая, кто что получил уже ранее. Распределитель имел у себя специальную палочку с несколькими гранями, на которых делал нарезки, отмечая, какой семье сколько оленей было выделено. Эта палочка называлась *т'уңд'эң* (от *т'уңул* 'считать').

Распределители выбирались на общем совещании юкагиров. В роде *Алаји* на 7—8 хозяйств избирали одного-двух распределителей. Свои функции они выполняли согласованно друг с другом и зимой, и летом. Если забой диких оленей в осеннее время был велик (о чем речь ниже), в помощь распределителям дополнительно выделялись люди¹⁵.

Во время охоты, как об этом уже было сказано, тундренные юкагиры употребляли некоторые подставные слова.

Так, вместо *пун'ил* 'убить' говорили *қанмиҕарэјл*, *эврэл* 'ходить', реже *шиэл* 'делать', *јуот'ил* 'посматривать', 'видеть': *нэмэлэ јуот'имэң?* 'что видел?' вместо *нэмэлэ пун'мэң?* 'что убил?'. Когда охотник возвращается с охоты, то у него спрашивают: *тэт нэмэҕа эврэк?* 'ты в чем (среди чего) ходил?' (так как спросить прямо 'кого убил?' нельзя). На такой вопрос охотник отвечает: *јарт'ибаҕа (т'улалҕа, өјэгэҕа, талашҕа* и т. п.) *мэрэврэјэң* 'среди белок (горностаев, зайцев, ди-

¹⁴ «Старики и пожилые охотники нередко благодарят огонь после удачной охоты. В огонь бросают кусочки жира и обращаются к нему с просьбами и в дальнейшем даровать удачу» [5, 221].

¹⁵ Моя вторая помощница по изучению юкагирского языка, А. П. Атласова, отрицала, что у юкагиров были особые распределители, утверждая, что распределение добычи между семьями производил сам охотник. Однако Н. Т. Трифонов говорил мне, что она моложе его и могла не видеть того, что видел он, что все происходило именно так, как он рассказывал. Привлечь других лиц для решения этого вопроса у меня уже не было возможности. Должен указать, что Н. Т. Трифонов всегда сознавал свою глубокую ответственность за сообщаемые им факты.

ких оленей и т. п.) ходил'. Когда летом происходил массовый забой обליнявших гусей, то его называли *јаңрәшиэл* 'гусей делать' вместо *јаңрәпун'ил* 'гусей убить', 'гусей убиение'.

Вместо некоторых прямых названий животных употребляли подставные. Так, вместо *јәшлид'эң* 'теленок оленя' говорили *лајбэдо*: 'оставшееся дитя' (ср.: *лајбэоңол* 'в качестве остатка'); вместо *т'ул* 'мясо' (о туше дикого оленя) — *л'ил*; вместо *л'ит'уоркэң* 'важенка (самка оленья) — *моңоји* 'шапочная' (ср.: *моңоң* 'шапка'); вместо *талахэң* 'дикий олень' — *т'эн'т'эрукун* 'интересная вещь'. Для обозначения дикого оленя употребляли также и другие слова с описательным значением: *моңој урупэ* 'шапкокривые' (ср.: *ју:рон'* 'кривой'); *эмунјурупэ* 'рогокривые' (*эммур* 'рог', *-нэ* — суффикс множественного числа); вместо *кун'эң* 'двухлетний олень' говорили *эврэнд'эң* 'ходящий'; вместо *итэнкэн* 'четырёхлетний олень-самец' — *итэн*; вместо *н'уоркэнт'ан* 'пятiletний олень' — *н'уоркэн*.

Волка — *надаң* — не следовало называть прямо; видимо, для того чтобы не привлечь его к стаду домашних оленей, о нем говорили описательно: *эврэјрукун* 'нечто ходящее', *эврэлдафи* 'тот, который ходит', *қаллид'эң* 'страшный', 'могучий', *қажд'идиэ* 'младший брат матери'.

Медведя — *қажт'иэ* — называли *торон'элдафи* 'тот, который черный'; лося — *торојэба* (корень слова *торо-* восходит к значению 'черный') — *т'итнэугурт'энилдафи* 'тот, который имеет длинные ноги'¹⁶.

О крупных птицах также говорили описательно: *ујэнд'эрукун* 'вещь (нечто), имеющая крылья'. В сущности лебедь называется описательно: *н'амид'иткэ* 'шеедлинный' (ср.: *н'амил* 'шея', *т'итнэј* 'длинный', *-кэ* — словообразовательный суффикс)¹⁷.

Все эти образные замены прямых названий были вызваны стремлением скрыть от животных намерения охотников, так как, по убеждению людей с анимистическим миропредставлением, которое свойственно юкагирам, животные понимают человеческую речь.

У юкагиров есть глагол *аңтэл* 'испортить охоту словом'. Так, например, если кто-нибудь прямо скажет перед тем как охотник пойдет на охоту: *торојэба пундэ, т'онд'э кэт'ик мэтин'* 'если лося убьешь, сало (жир) принеси мне', а охотник в этом случае лося не убьет, тогда он придет и скажет: *мэтул мэраңтэмэк* 'меня оговорил' (погубил охоту словом).

Характерно, что подставных слов для рыб у тундренных юкагиров нет. Это говорит о том, что они были исконными охотниками, но не рыболовами. У последних, например у нивхов (гиляков), рыбы во время лова называются иносказательно. Встречающиеся в литературе сообщения, что основной пищей тундренных юкагиров была рыба, должны быть признаны верными лишь относительно того периода, когда из мест обитания этого народа ушли стада диких оленей и ему волей-неволей пришлось переключиться на рыболовство.

Об этом же говорит и история орудий юкагиров. Их исконными орудиями были сложный лук, стрелы с копьевидными, раздвоенными или тупыми костяными наконечниками, пальма́ (*т'омод'обајэ* 'большой нож') и копьё, которое, по словам деда Ласера, юкагиры будто бы заимствовали у чукчей. Из рыболовных орудий им была известна только костя-

¹⁶ О табу слов у верхнеколымских юкагиров см. [8, 16—17].

¹⁷ Юкагирское верхнеколымское *јомйота* 'лебедь' (в моих записях, сделанных в 1959 г. в пос. Нелемное, — *јомис'уме; т'* (ѣ) и *с'* выступают в верхнеколымском как одна фонема) А. Шифнер правильно этимологизирует как 'большая шея' (от *јомил* 'шея', *ётой* 'большой') [см. 15, 440].

наяуда. Сети и морду они, по словам деда Ласера, переняли у якутов. «Подледного промысла, — сообщает В. И. Иохельсон, — древние юкагиры не знали, сетей не было» [9, 7]. Следовательно, нетрудно сделать вывод, что исконной едой юкагиров было мясо, а не рыба.

Что касается оленеводства юкагиров, то оно у них никогда не было исконным и не являлось ведущей формой хозяйства, как у оленных чукчей и ненцев. «Оленеводство юкагиров сходно с оленеводством эвенских групп; группы [же] юкагиров, соседящие с чукчами, заимствовали от них нартовую упряжку» [1, 76]. Заимствование оленеводства от эвенов подтверждается и данными языка [10, 247—248].

Для того чтобы отчетливо представить себе основную линию хозяйственной деятельности древних тундренных юкагиров, необходимо отграничить их оленеводство от охоты на диких оленей. Последняя была основой всей их экономики. Даже пути их кочевий от края леса на север и обратно полностью обуславливались миграцией диких оленей. Дело в том, что зимой олени жили в лесах, а летом уходили на север, в тундру, к многочисленным озерам, где находили обильную пищу и спасались в воде от гнуса, комаров и оводов. На этом фоне становится понятной и роль оленеводства в жизни тундренных юкагиров. Оно было для них важнейшим вспомогательным средством, позволявшим им кочевать вслед за дикими оленями.

Рассмотрим теперь пути кочевий рода *Алаји* по крайнему северу.

Каждый род — *т'удэшт'э* — мог кочевать и охотиться только в пределах определенной территории, называемой *у:нубэ* 'место хождения'. Северный край ее, доходивший до Восточно-Сибирского моря, назывался *т'ашулбат пэнд'ибэң* 'место (многократного) возвращения с моря', а южный — *са:рут пэнд'ибэң* 'место (многократного) возвращения с леса'. Такие названия могли дать лишь кочевники. Кочевать и охотиться на чужой охотничьей территории запрещалось. Случаи нарушения этого правила обсуждались стариками обеих сторон. Обычно хозяева забирали оленя, убитого на их территории, себе.

Род *Алаји* кочевал в пределах следующей территории (см. карту на стр. 67). Топонимические названия даются в направлении с севера на юг:

Западная граница территории

Т'ашул Восточно-Сибирское море
Мид'ирпэјдэнудаңил Устье Новой реки

Лајуолэл муоқоткэ Озеро Последний большой чир [чир—рыба]

Орд'элал муоқоткэ Озеро Средний большой чир

Кэјалал муоқоткэ Озеро Передний большой чир

Н'а:шэј нэдэну инир јалбил Озеро у истоков Белой реки¹⁸

Лајуолэл нэрилэ Последние ветренные уступы гор

Муоқоткэ Большой чир

Восточная граница территории

Т'ашул Восточно-Сибирское море
Јарқэја: Озеро, с которого никогда не сходит лед

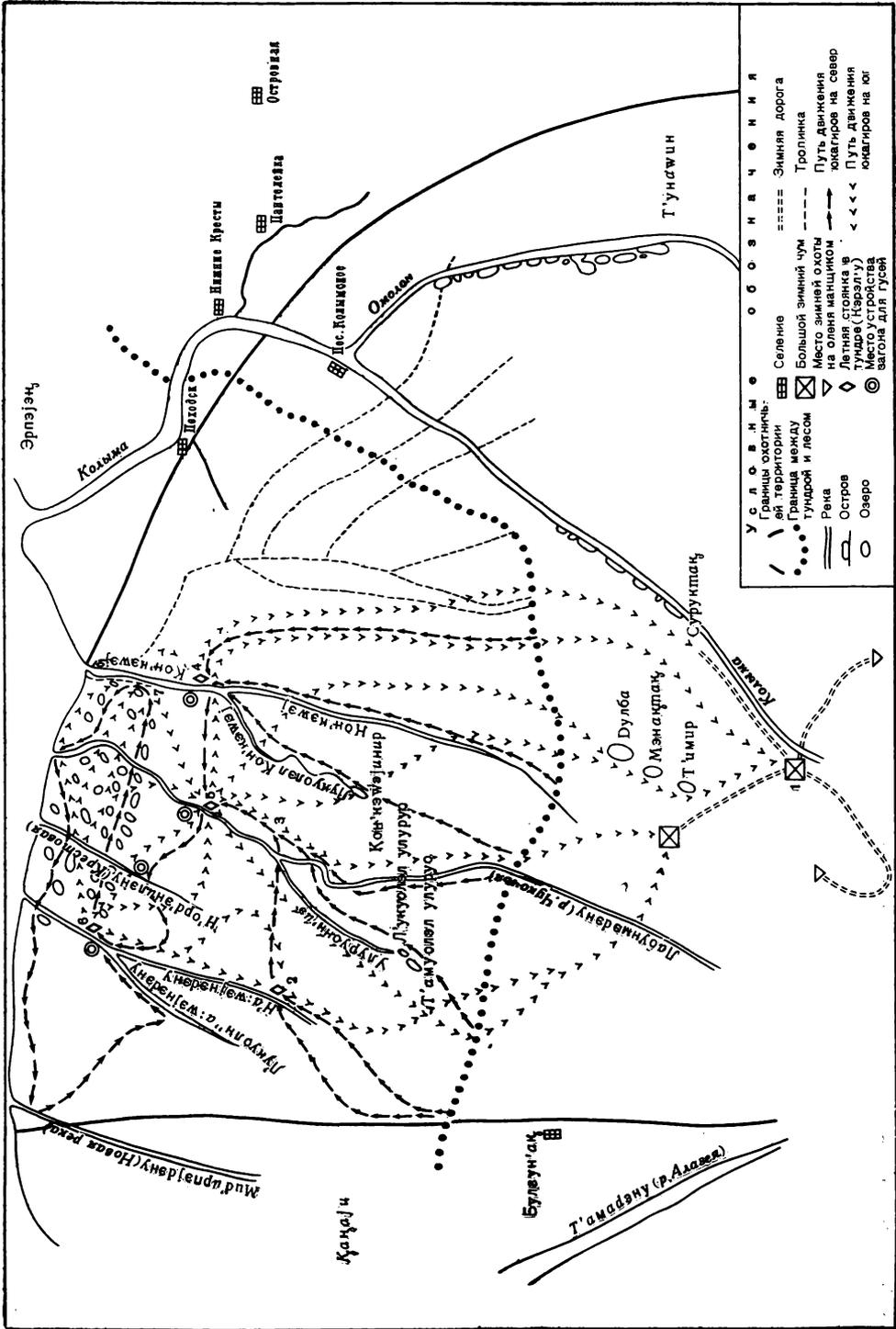
Т'уорқэја Озеро, где водится темный гусь

Кон'кэшэјдиэ инир Исток реки Коньковой

Којлуолэл монқа Продырявленный холм

Кон'кэшэјра:јабул Край леса у р. Коньковой

¹⁸ Название реки *Н'а:шэјнэдэну* Н. Е. Трифонов перевел как «Белая река». Г. Н. Курилов этимологизирует этот топоним иначе [см. 12, 69].

Онид'эткэ Большой песок

Ла:мэјалҕил Собачье озеро

Јоҕтэҕэ Большой звон (скалистый берег, возле которого раздаётся сильное эхо)

Н'анматкэ Большой тальник¹⁹,

Ид'иллэј Место, где похоронен юкагирский герой Идилвэй

Вадунјалҕил Юкагирское озеро

Дулба (якутское) дословно «Кочка» — озеро

Мэнақтақ (якутское [12а, т. II, 1553]) Диких оленей имеющее — озеро

Т'имир (якутское [12а, т. III, 2672]) Железо — озеро

Ат'т'ака (якутское [12а, т. III, 3856]) Холод — озеро

К западу от границы рода *Алаји* кочевал другой юкагирский род — *Канаји*²⁰.

«Как я помню, людская жизнь какая была? В нашей жизни только кочеванием жили. Зимой на краю леса или в лесу жили. Летом в стороне моря жили... Наша земля свежая была. Я помню, дикие олени тысячами были. Гуси как комары летали, палками убивали. На озеро на остров подем, целый день яйца с острова возили».

В 1921 г. дикие олени совершенно ушли из мест обитания юкагиров. К западу от Колымы не стало животных, охотой на которых жили тундренные юкагиры. Исчезновение дикого оленя на этой территории Н. Т. Трифионов объясняет приходом в эти места чукчей с их большими стадами домашних оленей. Последние, по словам рассказчика, истоптали тундру, где обитал дикий олень, в связи с чем он и ушел из этих мест²¹.

Жизнь юкагиров, описываемая в этом очерке, относится к тому периоду, когда олени в тундре «тысячами были».

Юкагиры делили год на ряд периодов, с которыми мы ознакомимся в процессе постепенного изложения материала.

На карте кочевий юкагиров *Алаји*, нарисованной Н. Т. Трифионовым, в южном ее конце отмечены три озера, носящие якутские названия: *Дулба*, *Мэнақтақ*, *Тимир*. Эти озера расположены в лесу. Возле них юкагиры часто останавливались зимовать, так как они снабжали их водой, а окружающий лес — дровами.

Придя к этому месту, юкагиры группы *Алаји* устанавливали там два больших *қанд'эл'э' нимэ* — зимних чума. Рубить лес вокруг зимних чумов и собирать там сучья запрещалось. Это считалось почти грехом. Для заготовки дров уходили немного дальше в лес. Так как чумы устанавливались не рядом, а на расстоянии друг от друга, то в каждом выделялся специальный человек для связи.

Лукуд'ајлэмэң — время короткого (дословно маленького) дня, соответствовавшее декабрю, январю и февралю.

¹⁹ До прерывистой черты идут топонимические названия по тундре, после нее — лес. От местности *Ид'иллэј* до Восточно-Сибирского моря, по словам рассказчика, не меньше 600 км.

²⁰ Описывая распространение оспы, В. И. Иохельсон сообщает: «Ханаи же, бывшие около Дулбы, где были алаи, потеряли 18 человек» [3, 252]. Возможно, что нахождение двух юкагирских родов на одной территории обуславливалось распространением эпидемии либо иными, неизвестными причинами.

²¹ Юкагиры таким же образом объясняли причину ухода диких оленей и В. И. Иохельсону [3, 251].

Краткое описание годового кругооборота хозяйственной деятельности тундренных юкагиров начинаю с этой его фазы.

«Сначала скажу, зимой дикий олень в лесу находился. Поэтому наши люди в лесу жили. Охотой на дикого оленя жили».

В зимнем чуме жили коллективно. На заготовку дров выходили все работоспособные. За один день работы нагатавливали дрова на полмесяца. Охотничья добыча, как уже говорилось выше, делилась в зимнем чуме на всех его жителей. Забрать добытого оленя для своей только семьи считалось *н'ан'ит'* — грехом: «Если вместе живем, как один кушать будет?» — сказал по-русски Н. Т. Трифонов.

Исключение из этого правила допускалось только тогда, когда с наступлением тепла семья по пути на север временно развезжались порознь, и то лишь в том случае, если вблизи не было соседей. Коллективизм, взаимопомощь — основной принцип жизни охотников-юкагиров.

В зимнем чуме жило не больше четырех хозяйств-семейств. Часто две семьи, располагавшиеся по одну сторону чума, ели вместе, но варили мясо по очереди. Если на противоположной стороне располагалось одно семейство, оно питалось отдельно. Каждое хозяйство имело свой котел.

Большой зимний чум (рис. 1) устанавливался коллективно. Он состоял из деревянного остова и кожаного покрытия стен и крыши.

Деревянный остов конструировался из следующих частей:

1) Четырех длинных опорных столбов — *нимэдајң*, два из которых устанавливались под углом друг к другу. Для их скрепления в верхнем конце одного выдалбливали сквозное отверстие, в которое вставляли верхний конец второго, подтесанного в соответствии с размером отверстия в первом. Нижние концы этих столбов закапывали в землю. На образовавшуюся развилку укладывали также наклонно друг к другу концы двух других *нимэдајң* такой же длины. Каждый из двух последних сближали с одним из закопанных, чтобы они могли служить опорой для дверей. (В зимнем чуме, как и в летнем, было две двери, расположенные друг против друга.) Опорные столбы изготавливались из свежесрубленных стволов.

2) Тонких длинных жердей — *ишил'*, из свежесрубленных деревьев, при помощи которых образовывали остов крыши. На развилку, образованную опорными столбами, укладывали верхние концы этих жердей. В нижнем конце каждой жерди проделывали отверстие, сквозь которое продевали и привязывали ремешок. При помощи его каждую жердь крыши прикрепляли к расположенной ниже горизонтальной жерди.

3) Горизонтальных жердей — *јэшт'эдо* (*јэшт'эдо:*), концы которых накладывают на треноги.

4) Треног — *јэшт'эң*, состоящих из трех тонких жердей, каждая примерно в полтора метра длины. В верхнем конце каждой из них имеется отверстие, сквозь которое они связываются вместе. Треноги образуют опору не только для жердей крыши, но и для кожаной покрывки стены.

В зимнем юкагирском чуме для крыши, стен и дверей было особое наружное кожаное покрытие. Крыша чума образовывалась четырьмя разновидностями покрывок:

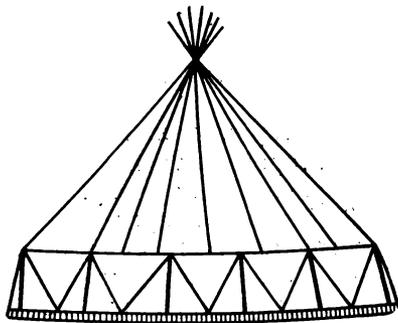

Рис. 1

1) Самая нижняя небольшая кожаная покрывка — *нигрин*, которая укладывалась вокруг дымового отверстия, чтобы защитить от огня другие покрывки, лежащие выше. Она сшивалась из разных кусков кожи.

2) Вторая кожаная покрывка — *нимэнқодирэ*, накладываемая поверх второй. Эта покрывка, как и последующие, перекрывала всю крышу, свисая на стену.

3) Третья покрывка — *тиңмоңэ*. Обычно для нее использовалась покрывка летнего чума, о котором речь ниже.

4) Четвертая, самая верхняя, покрывка светлого цвета — *нимэн-бурэ*, изготавливавшаяся из свежесделанной продымленной оленьей кожи.

Нижнюю покрывку укладывали вокруг дымового отверстия, используя длинные тонкие жерди. Остальные втаскивались на крышу чума при помощи длинных ремней, концы которых затем прибивались к земле кольшками. В верхней части каждой покрывки имелся вырез, точно подогнанный к вырезу в другой покрывке, для образования *он'идигил'* — дымового отверстия. Отверстия сверху крепко стягивались ремнями, что мешало покрывкам съезжать вниз. Нижние концы покрывок привязывались к опорным столбам примерно на уровне верхнего края дверей.

Стены чума образовывались двумя парными кожаными покрывками — *нимэнрукун*. Каждая закрывала боковую сторону чума от края одной двери до края другой. Нижние части стенных покрывок укладывались на землю не меньше чем на полметра. Средние их части опирались на треноги (*јэшт'эң*), образуя собственно стены чума. Верхние части стенных покрывок набрасывались на жерди *ишил'* так, чтобы нижние концы покрывок крыши чума их перекрывали. Таким послойным перекрытием достигалась определенная герметичность на стыке крыши и стен, что не позволяло ветру проникать в жилище.

Снежные завалинки — *пуондигил'* шли вдоль стен от одной двери до другой. Их насыпали на нижние края покрывки, образующей стену, примерно в половину роста человека, для защиты от проникновения холода и ветра в нижней части чума.

Дверь — *сэспэң*, изготавливавшаяся из оленьей шкуры, с которой не снималась шерсть, навешивалась на дверное отверстие (образуемое опорными жердями) мехом внутрь чума. В верхней ее части, которая была шире, чем нижняя, пришивались ремни (рис. 2). С их помощью дверь привязывалась под покрывками крыши, что не позволяло ветру прорываться в чум. Внизу же дверь плотно прилегала к толстому обрубу, который укладывался поперек двери изнутри чума у основания опорных столбов. С боков кожаная дверь перекрывала дверное отверстие (см. рис. 2).

Внутри чума различались следующие части:

1) Пол (земляной) — *индулэң*.

2) Стволы деревьев — *индул'эдуол'*. Вдоль каждой стены в двух-трех метрах от нее укладывали два ствола. Их фиксировали при помощи клиньев, вбитых в землю. Между каждым таким стволом и стеной располагалась семья — одно хозяйство.

3) Лежанки — *т'илгэң*. Они делались так: между стеной и стволами накладывали сухие ветви, которые сгребали при помощи палки с сучком на конце. Ветвей накладывали много — до колена в высоту, чтобы они возвышались над стволами, поверх ветвей клали прутья тальника, а на них — большое количество оленьих шкур, на которых располагались люди.

4) Кожаные ширмы *пэ:р*, которые навешивались возле каждой стороны двери. Для этого возле каждого опорного столба перпендикулярно к земле вбивалась толстая жердь, высотой в рост человека. Ее верхний конец крепко привязывался к столбу. При помощи ремней ширма притягивалась с одной стороны к этой вертикальной жерди, а с другой — к ближайшей треноге, стоявшей у стены. Благодаря этому конец лежанки оказывался загороженным, и при открывании двери холодный воздух не попадал на нее, а стлался по полу чума между лежанками.

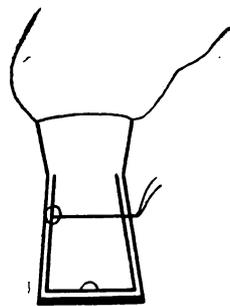

Рис. 2

5) Очаг — *лат'идэдуол* — располагался под дымовым отверстием посредине чума между бревнами *индул'эдуол*. Рама его имела квадратную форму и изготовлялась из сырых жердочек. Ее старались сделать аккуратной. Пол под очагом плотно устилали жердочками, поверх которых насыпали толстый слой земли, закрывавший верхнюю часть рамы, чтобы последняя не загорелась от огня. Очаг по высоте соответствовал лежанке, так что тепло от огня свободно распространялось по ней. На ночь от каждой из дверей укладывались длинные сухие бревна (*лат'инлэгул* 'еда огня'), концы которых смыкались на очаге и горели. Когда концы прогорали, бревна снова подвигали друг к другу.

Над очагом помещалось специальное устройство — *сускэра:л* (дословно 'чашковое дерево'), на которое навешивались над огнем чайники, котлы и сушились промокшие вещи. Оно изготовлялось из двух длинных жердей, расположенных вдоль очага и привязанных за концы к опорным столбам чуть выше человеческого роста. На них накладывались поперечные палки, которые не закреплялись и могли передвигаться в любом направлении. На одну из них нацеплялся железный крюк, на который в свою очередь навешивался котел или чайник.

У юкагиров, как и у других охотничьих народов, существовало половое разделение труда²², которое сказывалось и на установке чума. «Когда в лес приходили, люди останавливались, чумы делали, ставили. Четыре или три чума в единстве, взаимно помогая друг другу, ставили (один) большой чум. Такой чум два-три дня делали... Чум только женщины устанавливали». Только женщины деревянными лопатами очищали от снега место, на котором воздвигался чум. Они же устанавливали и опорные столбы чума. Считалось, что только женщины правильно определяют нужную высоту чума. Мужчины для чума нарубали необходимый древесный материал, а в самом чуме они только укладывали *индул'эдуол* — четыре бревна для нар, сучья для нар, а также устраивали очаг. На этом их работа в чуме заканчивалась. «Работа женщин никогда не заканчивалась. Когда положат покрывки, стены снегом засыпали. Потом разные вещи вносили: много оленьих шкур, много домашней одежды, котлы, чайники, чашки, еду и другие вещи (вносили). Лишь уснув, женщины останавливались. Утром опять женщины раньше вставали, чайник, еду варить начинали».

Верхняя одежда юкагиров подразделялась на *изркэрэрукун* и *кэтни-рукун*. Первую носили снаружи чума, когда шли в лес, на охоту, за дровами, за водой и т. д. Вторую носили в чуме. Когда входили в чум, наружную одежду снимали и складывали на стоящую у входа нарту

²² О разделении труда у верхнеколымских юкагиров см. [9, 5].

(анибэ), которая была перекрыта лоскутом дымленной кожи. Женская одежда складывалась отдельно от мужской²³.

Первый день после вселения в чум отмечался праздником. Он начинался религиозной церемонией. Для этого с утра снаружи чума раскладывали костер и бросали в огонь разную еду (производилось «кормление» *лат'ин кид'э* 'духа огня'). Одновременно «кормили» поверхность земли, реки, деревья, тальник. Н. Т. Трифонов вспоминает, что для этого старый юкагир брал рыбу, почки и отходил подальше от огня и от людей, что-то при этом говоря. Потом он отрезал кусочек от почки и кидал его, а почку откладывал в сторону. То же самое он выделял и с рыбой. Что старик говорил при этом, рассказчик не знает. При описываемом жертвоприношении обязательно использовали оленью кровь. Если ранее запасенная и замороженная кровь была съедена по пути к лесу, убивали оленя, набирали в чашку кровь из вскрытых шейных сосудов, лили ее в огонь, мазали ею деревья, а затем каждый из присутствовавших должен был отпить из этой чашки.

«Это когда заканчивали, в дом приходили, разную еду ели. Целый день люди танцевали. В течение двух дней разные игры устраивали. Потом певцов просили (заставляли) петь. Потом людей, рассказывающих сказки, просили (заставляли) рассказывать».

Юкагиры два раз в год устраивали подобные праздники (*л'уорит'эң* 'игрища'): один — после прихода в лес и поселения в зимних чумах, другой — после забоя гусей. Обязательными их элементами были танцы (танцевали, становясь в круг), спортивные состязания в гонке на оленях — верхом и на нартах, в беге, борьбе, выступления певцов и сказителей. Эти праздники носили общенародный характер.

Иногда праздники устраивали отдельные юкагиры, желавшие отметить, например, день своего рождения. Богатый юкагир в состоянии был сам сделать это; менее состоятельному помогали родные. Самым сложным при устройстве такого праздника была установка чума для гостей и заготовка дров для него. Утошения также ставил устроитель. Празднества проходили по той же программе, что и общенародные. Сначала устраивались состязания в езде на оленях (зимой — на нартах, а летом — верхом). Затем состязались в беге, зимой — по дороге, которую заранее прокладывали на оленях, запряженных в нарты. Потом происходила борьба. Устроитель праздника сам назначал и демонстрировал призы для победителей. Так, например, за лучшую езду на оленях могли быть выставлены в качестве призов (*шолод'эң*): первого — запряжной олень (холощенный самец); второго — двухгодовалый холощенный самец; третьего — одногодовалый нехолощенный самец. Победители в беге могли получить в качестве первого приза — *ласа-шэјн'ашн'икл'из* — самого дорогого мохнатого песца, стоившего (в начале XX в.) два рубля пятьдесят копеек, второго приза — *јэрод'э н'ашн'икл'из* — сероватого песца с мелкой шерстью, стоившего один рубль; третьего — *крэстожкэң* — чуть белого песца стоимостью пятьдесят копеек. Самым искусным борцам назначались два приза, состоявшие из денег: первый — один рубль или пятьдесят копеек, второй — еще меньше.

Призовые олени стояли привязанными к нарте — *ту:јэң*. Песцы и деньги вывешивались на шестах, воткнутых в снег или в землю. Призы располагались по значению слева направо.

²³ Отношения между женщинами и мужчинами у юкагиров, как и у других охотничьих народов, регламентировались рядом табу. Так, например, женщине запрещалось перешагивать через ружье. Если она нечаянно наступала на мужскую рукавицу, последнюю необходимо было обдымать на зажженном багульнике, и т. п.

На праздник приезжали приглашенные и все, кто хотел присутствовать на нем. Соревнования начинались с утра и длились целый день. Победители в соревнованиях сами подходили к призам и брали их. Такие праздники старались устраивать весной, когда день был длиннее²⁴. Обязательными элементами этих празднеств были танцы и угощения.

После окончания праздника мужчины начинали готовиться к охоте на диких оленей. Однако в короткие зимние дни охотящиеся не могли далеко отходить от чума. Охоте мешали сильные морозы, во время которых всякие шорохи и шумы, отпугивающие добычу, далеко отдавались в лесу. Охотники, выходявшие в это время на промысел, шли на лыжах, подклеенных камусом. Одежда на них была только белая, что позволяло им ближе подкрадываться к добыче. (Охота на оленей посредством подкрадывания к ним называется *сэмд'ил*.) Когда день удлинялся и можно было удалиться от большого чума подальше, охотники ненадолго откочевывали с небольшим чумом.

Когда снега выпадало много, способ охоты менялся. Найдя в глубоком снегу тропу диких оленей, охотники настораживали вдоль нее самострелы, отмечая их хорошо различимыми знаками, чтобы их было легко отыскать и нечаянно не погибнуть самому. Устанавливали самострелы лучшие охотники, так как эта работа в глубоком снегу опасна. Самострелы ставили возможно ближе к чуму, так как от долгого лежания в глубоком снегу убитый олень начинал преть, портилось его мясо, шкура. Шкура оленя, убитого самострелом, шла только на изготовление ремней, арканов и дымленины для покрытия чумов. Устанавливали до пятидесяти штук самострелов. При их помощи добывали много диких оленей.

Иногда от зимних чумов уходили на охоту за дикими оленями при помощи манчиков. (Этот способ охоты будет описан ниже.)

В лесу охотились и на дичь. На куропаток ставили петли.

Добытый олень использовался юкагирами почти полностью — в дело шли мясо, шкура, кости, рога, а также подшейный волос диких оленей-самцов (*өнт'уэ*). Его срезали, красили и обшивали им передники, шапки, одежду.

В шкуре оленя различают три части: *н'а:т'эбайр* — кожа со лба, *қонмэраш* — кожа с ног (так называемый камус), *сашэң* — остальная часть шкуры, либо вся шкура целиком.

«Жизнь наших юкагиров *Алаји* очень поддерживали шкуры домашних и диких оленей. Во-первых, скажем, шкуры мы надевали в течение всей нашей жизни и зимой и летом с нашей головы до наших ног. Потом наши жилища все из шкур домашнего и дикого оленя были. В продолжение нашей жизни ремни из шкур домашнего и дикого оленя делали — арканы, ремень для манщика (см. стр. 87), ремни для завязывания вещей, ремни для связывания нартов. Из шкуры со лба дикого и домашнего оленя подошвы делали; зимой волосом наружу; летом волосы соскабливали. Подошвы делали еще из кожи с шеи оленя-быка.

²⁴ На ежегодных ярмарках, которые устраивались в поселках Пантелейка и Островном, в спортивных состязаниях принимали участие представители разных народов Севера, в том числе и юкагиры. От них выступал непобедимый бегун Нил Курилов, побеждавший лучших чукотских бегунов. Однажды для состязания с ним из Анадыря приехал чукча *Рил'сқутэт*. Во время состязания с Н. Куриловым у него порвалась одежда, в результате он простудился и умер. Бегуны начинали соревнования рано утром и заканчивали его только после полудня. Бегали на расстояние в шесть *јоқонмирал* (дословно 'якутских хождений'), равное 60 км: 30 — в одну и 30 — в другую сторону.

(Летом в период спаривания кожа на шее быка становится толстой.) Поэтому наш кочевой народ только шкурами домашнего и дикого оленя жил».

Юкагиры знают несколько способов обработки шкур оленей в зависимости от их характера и назначения²⁵.

На кожаные покрывки жилищ шли прокопченные олени шкуры, очищенные от волоса и мездры. Для их изготовления внутреннюю поверхность высушенной шкуры обрабатывали скобелем, состоявшим из деревянной ручки со вставленным в нее камнем. Обработка состояла в том, что внутреннюю поверхность шкуры разминали, разглаживали на ней всякие складки. Затем ее скоблили железным скобелем, снимая мездру. После этого укорачивали волос, срезая его по всей шкуре. Потом ее вешали коптить. Прокопченную шкуру снимали и размачивали с внутренней стороны, после чего она лежала сутки. С наружной стороны отсыревшей шкуры соскабливали остатки волос вместе с эпидермисом (*циэр*). Затем ее разминали руками. Обработанная таким образом оленья кожа не пропускала воды и не размокала, как сырая кожа. Называлась она *н'уод'эрукун*.

Для изготовления зимней одежды употреблялись шкуры, снятые с оленей в середине августа до середины сентября. Из шкур, снятых в начале октября, изготовляли одежду для старух. Волос на шкурах для одежды укорачивали, оставляя его не больше чем на полпальца — палец длины. Сначала шкуру с внутренней стороны разминали скобелем с камнем, затем соскабливали мездру железным скобелем, после этого ее смачивали по снятой мездре и клали на солнце, чтобы она немного просохла. Потом ее снова мяли каменным скобелем, железным очищали остатки мездры и слегка смазывали обработанную поверхность краской цвета охры (*у:си*), которую сами добывали. Шкуру для одежды руками не мяли, за исключением ее краев, если они были жесткими. Такая шкура называлась *сојэрукун*.

На зимнюю обувь шла кожа, снятая с ног оленей или лосей (камус). Подошвы, как уже упоминалось выше, делали из кожи со лба оленя, с шеи самца-оленя или кожи лося. Подошвы коптили, чтобы они не пропускали сырости. Если они были изготовлены из сырой размокающей кожи, то в них делали две дырочки, чтобы из обуви вытекала вода. Летнюю обувь шили также из хорошо прокопченной покрывки чума, так как она не пропускала сырости.

Ремни изготовлялись из весенних шкур оленей. С сырой шкуры срезали волос, а затем замачивали ее. Мокрую шкуру клали прокиснуть либо вывешивали на мороз. С прокисшей шкуры волосы вылезали, а с промерзшей — легко соскабливались ножом. После этого мокрую шкуру растягивали и вывешивали снаружи чума. Ночью она замерзала, днем на солнце оттаивала и в результате пробеливалась. Для ремней со шкуры срезали круговую непрерывную полосу соответствующей ширины. Затем ее разминали руками и отрезали куски нужной длины.

Деятельность охотников, естественно, протекала вне чума. Внутри же него шла своя жизнь. Женщины варили еду, следили за огнем, шили одежду, обувь, рукавицы, шапки. «Зимой наши старухи и женщины летнюю одежду делали, летом зимнюю одежду делали. Заранее все готовили. Сделав, хорошо сохраняли. Старики рога молодых оленей маленькими пилами пилили. Потом в котле с водой целый день кипятили, все время добавляя в котел воду. Когда все проваривалось, рога вытаскивали, а отвар остужали. Потом сушили. Высушив, сохраняли.

²⁵ Эти сведения записаны от юкагирки Александры Прокопьевны Атласовой.

Когда зимние лыжи делали, то клеем из рогов оленя лосиный камус или камус весеннего оленя к лыжам подклеивали. Лыжи в нашей жизни лучше хорошего оленя берегут. На охоту в лес когда ходят, только на лыжах догоняют дикого оленя.

Вечером, когда все люди собирались в чуме, старики и старухи сказки рассказывали. Пусть удача податливой (дословно мягкой) будет, думали, рассказывая. Пусть удача придет, (поэтому) только об охоте рассказывали. Если человек заболел, опять сказки рассказывали. Про страшных людоедов, про чертей рассказывали, думая (при этом), пусть больной поправится, пусть его болезнь убежит [см. 13]. Потом старые люди о жизни древних юкагиров рассказывали, чтобы подрастающая молодежь знала, как они охотились, как ходили. Некоторые люди интересные сказки рассказывали».

В свободное от охоты время мужчины в зимних чумах изготавливали нарты. Полозья делались из крепкого наружного слоя дерева. В лесу найти его было нетрудно. К переходу на край леса необходимые нарты должны были быть уже готовы.

Старики и старухи во время пребывания в лесу отдирали от основания лиственниц кору, собирали кору ольхи. Первая окрашивала оленью кожу в бордовый цвет, вторая — в красноватый.

Эл'ин пугуд'эмэң — первое время потепления, т. е. начало весны, совпадающее примерно с мартом.

В это время юкагиры продолжали еще жить в больших домах. Женщины готовили для семьи летнюю одежду. Мужчины собирали материал для полозьев, который мог оказаться нужным в пути для починки нарт.

В это же время охотники откочевывали к Колыме, к местности *Суруктақ* (ср.: якутское «*суруктах хаја*» 'гора с писаницами' [12а, т. II, 2368]), откуда начиналась охота на лосей. Охотой распоряжался передовой охотник или общее собрание охотников. Их указания были обязательными. Ослушнику делали выговор. Иногда же по решению стариков его наказывали строже — били тальниковыми прутьями.

Охота на лосей имела подсобное, но все же очень важное значение в хозяйстве юкагиров. От добытого лося они получали не только большое количество мяса, но и ценную для них кожу.

Шкура лося обрабатывалась просто: замерзшую шкуру оттаивали, а засохшую смачивали. Волос срезали, остатки его соскабливали ножом. Из полученной кожи делали подошвы и ремни.

Ремни изготавливали разнообразные — для упряжи, связывания нарт, вещей. Из их числа особо следует выделить *н'уогијэң* — тонкий ремень в 20—25 маховых сажень длины. Им привязывали маншика, которого посылали к стаду диких оленей для подманивания последнего к охотнику. Чтобы получить один цельный ремень такой длины, нужна была половина лосиной шкуры или четыре шкуры оленя.

Во время охоты на лосей все охотники одевались в одежду, сшитую из шкур белых оленей. На шапку шла шкура новорожденного белого олененка. Для изготовления другой верхней зимней одежды белых оленей убивали осенью. Шерсть с таких шкур не срезали. Охотники, одетые таким образом, почти не были видны на снегу. При выслеживании лосей охотник надевал *мод'идин* — лыжи, подклеенные камусом, а не *қайсар* — лыжи-голицы, так как последние издавали скрип. Охотник продвигался на лыжах не спеша, строго следя, чтобы лыжа не стукнула о лыжу, чтобы нечаянно не задеть и не сломать ветку. Кашлял он только в рукавицу, закрыв ею рот. Курить в это время категорически запрещалось.

Охота на лосей происходила на островах реки Колымы, которые Н. Т. Трифонов изобразил на карте в виде выпуклостей на линии реки. **Одному из охотников** поручалось обойти на лыжах остров и найти следы лосей, которые шли бы с берега на остров или с острова на остров. Шел он с подветренной стороны, чтобы животные не почуяли его запаха.

Когда такой след обнаруживался, то с обеих его сторон прятались охотники, зарывавшиеся для этого в снег. При этом они выбирали места поближе к тальнику или деревьям, чтобы в случае опасности (раненый лось нередко кидается на охотника и может убить его копытами) можно было за чем-либо спрятаться. После того как часть охотников пряталась, один или два других обходили остров уже с наветренной стороны, чтобы лось почуял их запах. Кроме того, они кричали, били чем попало о деревья. Вспугнутое животное бежало обратно по своему следу, где его убивали спрятавшиеся охотники. Иногда на тропе лосей ставились самострелы.

Чтобы уберечь мясо и шкуры убитых лосей, сооружали высокий помост. Для этого выбирали четыре близко растущих дерева. С них срубали верхушки и счищали кору, чтобы хищнику было трудно забраться на помост. Вверху в каждом стволе делали вырубку. В них вкладывали две толстые поперечные перекладины, в концах которых тоже делали вырубку. Концы деревьев и перекладин крепко перевязывали ремнями. На перекладины накладывали плахи или толстые жерди. К помосту приставляли бревно с зарубками, заменявшее лестницу. Кроме того, к помосту пристраивали покатый настил. На помост забирался человек и выстилал его поверхность тальником. Затем по настилу при помощи других охотников он на ремне затаскивал наверх мясо. Мясо покрывали тальником, а на него уже клали шкуры. Вокруг помоста вырубали деревья, чтобы хищник не мог на него прыгнуть сверху.

Рога лося, как и оленя, вешали в лесу на дерево.

Если охота на лосей на островах Колымы была неудачной, охотники перекочевывали на Омолон и охотились на лосей на островах этой реки. От устья Омолона, впадающего в Колыму напротив поселка Колымское, юкагиры рода *Алаји* могли подниматься на 300 км вверх по его течению. Эта местность также относилась к их охотничьей территории.

Пугуд'эмэң — время потепления, совпадающее примерно с апрелем. В это время юкагиры оставляли зимнюю стоянку и начинали медленное продвижение на север в тундру (иногда оно начиналось с конца марта, если погода была теплая).

Разборка чума и нагрузка нарт были делом женщин. Хозяйственные предметы они укладывали на соответствующие нарты. Когда из дома все было вынесено и погружено, женщины отбрасывали от чума снег и одну за другой снимали все его покрывки, затем жерди, треноги с поперечинами и все это укладывали на нарты. Увязывали нагруженные нарты женщины. Мужчины лишь чинили в них поломки. Затем они пригоняли оленей, выбирали ездовых и с помощью женщин запрягали их в нарты.

Все, что не годилось больше к употреблению, — прогоревшую нижнюю покрывку чума, остатки кож, костей — сжигали. Когда юкагиры покидали свои зимовки, на месте оставались лишь опорные столбы чума, бревна лежанок, очаг. Никаких вещей на зимовье не оставляли. Если в чуме никто не умер, то через год-два на этом месте снова организовывали стоянку.

У юкагиров есть два слова для обозначения каравана: *миријэң* —

караван из нарт с полным хозяйственным грузом, *шэгиң* — караван из нарт с каким-либо специальным грузом, например добычей.

Впереди каравана, покидавшего зимовье, ехала нарта — *пэтт'элалимэ*. На ней сидел вожатый каравана — *миријэду:сит'э* (или *миријэн кијэд'ит'э* — передовой каравана), который прокладывал дорогу. Второй ехала *арқалалимэ* (ср.: *арқагөдэ* — человек, идущий за мной). Затем следовали нарты *анибэ(ң)*: *уөданибэ* — для детей, *қојданибэ* — для икон, *т'ораскэданибэ* — для посуды, *кэтниң* — для одежды, *ту:јэң* — для одежды праздничной, *ишинлалимэ* — для треног и жердей крыши, *нимэн лалимэ* — для кожаных покрышек чума, *лилқаниңа:ң* — самая короткая нарта, к которой привязывали концы жердей остова чума (*нимэдајң*), *јалалимэ* — легковая, сделанная из березы, употребляемая только для беговых состязаний. Не каждый юкагир мог изготовить такую нарту. Стоила она дорого. Груза на нее не клали. Сидел на ней лишь один человек.

Для понукания оленей употреблялась длинная тонкая палка с кусочком оленьего рога на конце. Некоторые юкагирские нарты представляли собой очень изящные архитектурные конструкции. Почти все их составные части связываются ремнями, для чего в них просверливаются отверстия. В одной из нарт (*јалалимэ?*) я насчитал 116 отверстий. Это уже само по себе говорит о конструкционной сложности нарты, требующей для ее изготовления большого технического мастерства.

Охота на диких оленей во время движения каравана не приостанавливалась.

В пути, во время остановки каравана, юкагиры ставили небольшие зимние чумы.

Т'уобајмэң — время отела оленей, совпадающее примерно с маем.

В это время кочевники выходили на край леса, откуда начинается тундра. Это место называется *јуорка*, а направление в тундру — *јослаңудэн* (тундра же называется *лэргун*, *јэругу* — в произношении А. П. Атласовой). Снег в эту пору начинал таять.

Выход на край леса совпадал с началом отела оленей. Последний требовал к себе большого внимания. «Отел оленей — очень трудная работа. Некоторые важеньки, когда телиться начинают, не могут теленка родить. Целую ночь не останавливаются, повсюду бродят. Таких неприученных важенок длинной веревкой за ноги привязываем. Некоторые важеньки, как отелятся, своих телят бросают. Так делающих тоже за ноги привязываем. Прижимая к ней теленка, (наильно) приучаем, (наильно) заставляем сосать (свою мать). Когда начинается ветер, то ставим оленей на пастбище с подветренной стороны, чтобы снег новорожденных телят не засыпал. Случается, что прошлогодние телята бьют копытами новорожденных телят, убивают их, еще сосут свою важеньку. Таких телят, заарканив, придавливаем, ножом обрезаем им шерсть²⁶. Если важенька телится на краю стада, то там мы вешаем одежду, чтобы волк боялся, когда придет. Когда важеньки телются, много орлов прилетает, много песцов приходит, телят убивают. Поэтому пастухи не спят, все время ходят, сторожат, чтобы олени хорошо отделились».

С момента отела оленей и до августа на диких оленей не охотились. Юкагиры — исконные охотники на диких оленей — относились к их поголовью как рачительные хозяева. Они не мешали им телиться, давали возможность своей будущей добыче окрепнуть и лишь тогда снова начинали охотиться.

²⁶ Смысл этого в моих записях не разъяснен. Вероятно, теленка с остриженной шерстью важенька к себе не подпускает.

В это время охотились на лосей по насту, который образовывался вследствие того, что днем снег оттаивал, а ночью замерзал. Найдя лося, юкагиры спускали собаку, которая преследовала его. По их следу бежали охотники на лыжах. Преследуемый лось проваливался на тонком насте и во время бега непрерывно ранил себе ноги о тонкий острый лед. Когда он изнемогал от преследования, охотники догоняли его и убивали.

На краю леса юкагиры заготавливали тонкие жерди для устройства остова крыши урасы. Затем из тальника при помощи ремней они связывали циновки, которые в дальнейшем стелили на землю в урасе и в летнем чуме, на местах, где сидели, где спали. Кроме того, они заготавливали некоторое количество дров для заброски их в тундру. Она осуществлялась во время поездок юкагиров к перевалочным стоянкам за оставленными запасами.

Женщины чинили на краю леса покрывки зимнего чума, которые в дальнейшем использовались для покрытия урасы. Кроме того, здесь же они заготавливали еще дымленную оленью кожу.

До края леса юкагиры передвигались вместе — одним караваном. Далее же семьи или группы семей разъезжались и продолжали кочевать по тундре врозь. На карте от края леса стрелками, направленными на север, показаны пути их кочевий. Все они направлены к различным пунктам, которые мы условно называем перевалочными стоянками.

В пути от края леса до перевалочных стоянок вместо зимнего жилища ставили урасу. Ее легко было воздвигать и разбирать. Она представляла собой конусообразный шалаш. Остов его составляли из четырех опорных жердей (*нимэдајң*), к которым под углом прислонялись длинные тонкие жерди (*ишил'*). Дымовое отверстие предварительно окружалось небольшой покрывкой — *нигрин*. Затем вся ураса накрывалась покрывкой.

Пол в урасе устилали циновками из тальника. Если они загрязнялись, их полоскали в реке, высушивали и снова пользовались ими.

В урасах женщины постепенно готовили дымленную кожу для покрывки летнего чума, которую шили в пути, если она не была сделана ими заранее.

Иногда (видимо, на перевалочных стоянках) ураса использовалась для копчения кож и рыбы. В этом случае из нее все выносили, закрывали дымовое отверстие, двери, а внутри тлел огонь. Копчение длилось пять — семь дней.

Свободные в это время от охоты на диких оленей охотники на проталинах озер ставили крючки, при помощи которых добывали красную рыбу (*нуод'ијэң*). Там, где ее ловилось много, останавливались и готовили из нее юколу, чем занимались главным образом старухи.

Когда гуси начинали нести и высидывать яйца, охотники ловили их двумя способами — петлями и руками. В первом случае возле гнезда вбивали колышек, к которому привязывали тщательно замаскированный тонкий ремень с петлей, укладываемой вокруг яиц. Когда гусыня, ничего не заметив, садилась на яйца, затаившийся охотник рывком ремня затягивал петлю, куда попадали ее лапы. Во втором случае, во время отсутствия птиц возле гнезда выкапывали яму, в которую укладывался охотник, широко раскинув вокруг гнезда руки. Охотника зарывали вровень с землей, чтобы ничего не было заметно. Когда прилетевшие гусь и гусыня усаживались на свои обычные места, зарытый человек прежде всего хватал гуся. Так как гусыня без него не улетала, то затем ловили и ее. От этого способа охоты веет глубокой древностью.

Большую часть зимнего груза охотники оставляли на перевалочных.

стоянках, но кое-что они оставляли и в пути (например, деревянные лыжи, покрышку дымового отверстия, так как они не боялись сырости). Если же обстоятельства требовали, чтобы в дороге было оставлено большее количество хозяйственного груза, то на удобном месте составляли вместе четыре-пять нарт. На них укладывали необходимые вещи, тщательно укрывали их покрышкой из дымленной кожи, предохранявшей их от дождя и сырости. На обратном пути эти вещи забирали. Такое временное хранилище называлось *лалшијэ(ң)*.

Сабунд'илэмэң — начало лета, соответствующее примерно июню. В эту пору окончательно сходит снег, текут потоки воды, появляется первая зелень.

К этому времени юкагиры добирались уже до своих перевалочных стоянок. Если взглянуть на карту, то можно видеть, что от края леса стрелки, направленные на север, идут прежде всего к стоянкам № 2, № 3 и № 4.

Стоянка № 2 располагалась на *Н'а:шэјнэдэну* — Белой реке. Там устанавливался летний чум, который стоял затем все лето. Такая стоянка называется *кэрэл'у*.

Стоянка № 3 находилась у впадения реки Олеры (*Улуруоовнн'из н'нојкол*) в реку Чукочью (*Лабунмэдэну* дословно 'Куропаточная река'). Здесь *кэрэл'у* не было. Семьи юкагиров, перекочевавшие сюда, оставляли ненужные им в дальнейшем вещи и сразу направлялись далее, к стоянке № 5, где стоял *кэрэл'у*.

Стоянка № 4 находилась на берегу реки Коньковой, где имелся *кэрэл'у*.

На стоянках находился специальный помост — *т'анмиэң* — на четырех столбах, скрепленных четырьмя поперечными перекладинами, на которые накладывали настил из жердей. С помоста брали летнюю одежду, оставленную здесь прошлой осенью, и оставляли на нем зимнюю. Предварительно ее высушивали и, уложив, закрывали дымленной кожей. Здесь она сохранялась до осени, когда снова происходила замена летней одежды зимней.

На стоянках юкагиры оставляли стариков и старух. Так как *кэрэл'у* стояли на берегах рек, то старики занимались здесь рыбной ловлей.

Интересен костяной крючок *јор*, которым они ловили шуку, нельму, иногда и гагару. Он представлял собой костяную иглу, остро отточенную с обеих сторон, длиной не более 7—8 см. Леска, сплетенная из жил, привязывалась ближе к одному из его концов. Крючок втыкался в бок свежепойманной рыбки таким образом, что один его кончик выглядывал наружу у ее хвоста. Когда шука или нельма заглатывала рыбку, то при малейшем потягивании лески наружный кончик втыкался в рыбу и она оказывалась пойманной на этой тонкой косточке, становившейся ей поперек пищевода.

Юколу из рыбы изготавливали женщины. Они пластали ее с обеих сторон от головы до хвоста. Кость у хвоста перерезали и вытаскивали. Юколу выворачивали внутренней стороной наружу и навешивали на сушила (*қо:н'иң*) — жерди, концы которых лежали на треногах, связанных из трех палок. Кости перевязывали у хвоста и тоже вешали на сушила. Они шли на корм собакам.

Лэшэјмэң — середина лета.

Примерно к 1 июля все семьи собирались на соответствующих стоянках вместе со своими домашними оленями, так как начинали появляться комары и оводы. С последними юкагиры вели коллективную борьбу, поскольку они угрожали здоровью и даже жизни домашних оленей. Юкагиры заранее договаривались о том, где они встретятся в Акули-

нов день — время, когда оводы начинают откладывать на оленях яйца. (Оводы одной разновидности прокусывают шкуры оленей и откладывают под них яйца, а другой — выбрызгивают свои яйца в нос оленя. Потом в его носовых ходах разводятся личинки, от которых он очень страдает, мало ест, худеет и даже погибает.) Чтобы спасти своих оленей, юкагиры сгоняли их в одно место вблизи какого-либо летнего чума. Затем вокруг них на землю они раскладывали белые оленьи шкуры, за которыми становились мужчины и женщины. Каждый из них держал в руке дощечку с ручкой. Привлеченные видом белых шкур, оводы нападали на них, а юкагиры убивали их ударами дощечек. По сообщению рассказчика, в результате такого «сражения» они убивали много тысяч оводов и так уберегали от них свое стадо.

С середины июля начиналась охота на облинявших гусей, требовавшая коллективных усилий. Поэтому от стоянок часть мужчин и женщин направлялась к известным уже местам на берегах рек, где удобно было устанавливать загоны для птиц.

У юкагиров рода *Алаји* их было четыре: на реках Коньковой, Чукочьей, Крестовой (*Н'орд'энилэну* — дословно 'Моховая река') и Белой. Все они отмечены на карте.

На отлогом берегу при помощи *јэшт'эн* — треног, с трех сторон огораживали загон. Четвертая, незагороженная, сторона выходила на реку. Нижнюю и верхнюю (по течению реки) стороны загона плотно загораживали разными вещами, покрывками, шкурами, а сторону, идущую параллельно реке, загораживали сетями, чтобы сквозь нее были видны свет, трава, лес. Кроме того, у нижнего и верхнего краев загона из одежды сооружали два створа, которыми загон в нужный момент закрывали. Реку у нижнего края загона чем-либо перегораживали.

После установки загона охотники уходили вверх по реке и ее притокам, откуда начинали гнать вниз по течению облинявших гусей и уток. Гнали их медленно, спокойно, чтобы не испугать. Так постепенно доходили до загона, где заграждения на реке не давали птице плыть дальше по течению. Согнанную дичь, также не торопясь, гнали на берег — в загон. Когда вся она выходила из воды, юкагиры смыкали створы загонов, после чего беспомощная птица оказывалась в ловушке. Тогда выходил старик или старуха, которые обращались к птицам с песней. Н. Т. Трифонов продиктовал мне юкагирскую песню, с которой его отец обращался к птицам, когда их убивали на Белой реке. Привожу текст этой песни и ее перевод:

- (1) Н'а:вэјдэну-абут'иэ, пуңуолэн ки:мэн.
- (2) Курун миријэ, ујэнд'эрукунпэ эло:рэн' илэник.
- (3) Јабал син' авалдитэл'эј.
- (4) Вајин' мэмэд уотэјмут, тит конэпэба мэмэд'уотэјмут.
- (5) Катэ јавнэр јактэрэ помогэјли.
- (6) Эл ақ титэк јаба:нунул, мигэјк тит титэ мэјаба:нунд'эли.
- (7) Јавнэј н'иномиэјэ лукул бурэн т'абад'эрукун јавнэр іабалн'эј, ма:рқан јавун'эј.
- (8) Тануллэк т'ајлэпэлдабанэ, кинңолл'элк элтигэтэјт.
- (9) Катэ јавнэр јактэрэн помогэјли.
- (10) Јавнэј энупэбан мит эврэјол н'иномиэјэ т'ауудабилпэбан мит эврэјуолпэ пундурэн јактэјли.
- (11) Тит ал'уолэл т'ауулпэба эврэјол, н'иномиэјэ савидэвт'эпулбан.
- (12) Тадат н'иномиэјэ анапэн анан корилэпул пурэн тит эврэјол пундурэн јактэник.

(13) Н'а:wэјдэну абут'иэ, тэт уорпэ јонрептиэ эмл'эрэјк.

(14) Јаңрэнмојэ, эбароли, эбароли, эбароли.

(1) Белая река — бабушка, радостью даю.

(2) Небесный караван, крылья имеющие существа, не плачьте.

(3) Смерть все равно подобна сну.

(4) (Вы) опять возродитесь, среди ваших друзей возродитесь.

(5) Лучше все, распевая, покружмся.

(6) Не только вы (одни) умираете, мы тоже подобно вам умираем.

(7) Все разные по поверхности землидвигающиеся существа — все смертны (дословно все со смертью), одну дорогу имеют (дословно с одной дорогой).

(8) Поэтому во время достижения дня (в смысле срока) никто не отступится в сторону²⁷.

(9) Поэтому лучше все, распевая, покружмся.

(10) О наших полетах (дословно хождениях) по всем рекам, о наших полетах по разным морским берегам, рассказывая, споем.

(11) О ваших хождениях по талым морям, по разным полуостровам.

(12) Потом о ваших полетах над разными горами, горными хребтами, рассказывая, пойте.

(13) Белая река — бабушка, своих детей гусыток обними.

(14) Гусей хозяин (гусей держащий), *эбарол'и, эбарол'и, эбарол'и*²⁸.

После окончания песни каждый из присутствующих, в том числе и женщины, взяв одного гуся за шею, выпускал его на волю. На каждого ребенка и даже младенца, находящегося в колыбели, также выпускали по гуся. Затем начиналось избивание птицы. Самого последнего гуся выпускали на волю. После этого приступали к дележу. Если птицы было много, добытых гусей и уток складывали в ледяные погребца, которые устраивали в вечной мерзлоте. Отдельные хозяйства, если желали, могли устроить для себя собственный погреб. При складывании в погреб птицу потрошили, но перья не снимали.

В ознаменование окончания охоты на гусей юкагиры устраивали большой праздник — второй после поселения в зимних чумах. В него входили соревнования по бегу, верховой езде на оленях, танцы, пение.

«В моем детстве на Куропаточной реке (р. Чукочьа) линялых гусей убивать (дословно гусей делать) очень много людей приходило. В течение целой недели гусей убивали. Очень много убивали. После этой работы игры устраивали. Сначала люди верхом на оленях состязались, потом в беге (дословно ногами) состязались. Верховом на оленях первым пришел Курилов Константин, вторым — Лаптев Илья. В состязаниях

²⁷ О приближении смерти юкагиры говорили иносказательно, как о достижении дня (т. е. конца своих дней). Так, в предании о шамане Мармыяне говорится: *Мармјан-пэлдудиэ т'ајлэги мэлэлум* 'Мармыян-старик, день его (т. е. свой срок) догнал', т. е. дожил до конца своих дней и приблизился к смерти.

²⁸ На следующий день, после того как была записана эта песня, Н. Т. Трифонов вспомнил, что его отец говорил в ней и о том, что птицы должны спеть еще о кипящих (бурлящих) водах рек, над которыми они пролетали. Здесь песня приводится в первом варианте, без внесенного им позже дополнения.

Когда осенью гуси улетали на юг, то рано утром старики и старухи выходили из чумов, становились в ряд по одной линии, левой рукой снимали шапки, а правой рукой махали гусям, кивали вслед им головами, прощаясь с ними, и говорили *эбарол'и*. Смысл этого слова Н. Т. Трифонов объяснить мне не мог. Фонетически оно сопоставляется со словом *эбарэң* — дыхание, но связано ли оно с ним генетически — неизвестно.

по бегу первым пришел Курилов Нил, вторым — Никулин Николай, третьим — чукча Кимэткэв Рынтыргын²⁹.

Затем певцов заставляли петь. Хороших певцов одного за другим просили петь. Сперва люди вокруг садились. Очень много людей садились: старики, старухи, женщины, дети садились. Посередине между людьми сиденья делали — шкуры клали. Поющих людей там усаживали. Потом начинали петь. Певцы, распевая, вместе с пением повествование вели. По целому дню пели. В продолжение двух дней пели. Тогда я слышал моего дела Антона-старика песню слышал. Сперва, распевая, (он) сказал... (Дальше следует песня о маншике, которая приводится в интересах изложения на стр. 89.)

Сидевшие слушавшие люди все аплодировали (дословно ладошками друг другу навстречу били).

Тогда руководителей играми три человека было (Асласов Илья, женщина Матрена, Курилов Гавриил). Самый старый из них, Асласов Илья, вдруг встал. Сперва он поклонился в сторону поющих людей, потом вокруг в сторону сидящих людей поклонился. Его товарищи возле него стояли, не шевелились. Потом Илья-старик сказал: „Я просить хочу, опять антоновских звуков слышать хочу. Очень состарился мой младший брат Антон. Поэтому говорю: вторично таким образом, может быть, звенеть (т. е. петь) уже не будет. Пусть оставшиеся дети, пусть эту слышимую (нами) песню, повествование, пусть рассказывают. Когда (мы) умрем, в качестве остатка (памяти) наши песни, наши звуки пусть останутся. Мою речь тем заканчиваю“. Асласов Илья сел. Тогда Антон-старик встал. Вставши, в обе стороны поклонился. „Спасибо, спасибо“ — сказал. Потом зашел:³⁰

„Сначала, жалеемая, любимая, мой друг Прасковья (о тебе спою).. Очень жалея друг друга, возле друг друга жили мы, росли мы. Если разлучались, друг о друге скучая, друг о друге распевая, жили мы. Четыре года друг о друге скучали мы. Тогда о том, чтобы (нам) вместе быть, чтобы (нам) друг друга взять, говорили мы. Затем свою мать спросил: „Моего друга Прасковью просить не будем ли?“ Тогда моя мать не ответила мне. Лишь через очень долгое время мои родственники приступили к сватанию. Однажды, очень радуясь, мой дядя (*кашд'идиэ*) пришел. После этого вместе рядом (с семьей Прасковьи) чумы поставили. Потом на другой день утром соседи вдруг чум свой разобрали. Затем вьюки сделали. Свою мать я спросил: „Уже соседи укочевать собираются?“ Мать сказала: „Твоего друга венчать начинаем, лучше помоги, у них поживи, поработай“. Потом оленей взяли, навьючили. Соседи отдельно чум поставили. Потом много людей пришло. Моя мать сказала: „Оденься, праздничную доху надень“. Я оделся. Мой отец сказал: „Твой лук (ружье); твоя пальма́ (большой нож) где?“ Потом на седло положил он (это). Моя Прасковья на оленя села. Ее отец, оленья ведя, трижды по ходу солнца чумы обошел. На каждом круге из лука над головой Прасковьи стреляли. Потом отдельно караван остановили, олени бока, олени ноги покрасили. Потом оленей отпустили. Чум поставили. Разную еду сварили. Тогда людей всех позвали, кормили. Потом люди танцевали. Потом отец моей Прасковьи одного старика попросил: „Одно-два слова не скажешь ли, не споешь ли?“ Старик ответил: „Как тебе откажу (дословно как твое слово отр-

²⁹ Чукчи, перешедшие на левый берег Колымы, жили в тесном соседстве с юкагирами.

³⁰ Мы пропускаем здесь его песню, где он поет о себе в духе самой строгой самокритики, например: *т'амумунурэ энгэнэң мэт т'уңрэ эшл'э* 'Когда вырослел (рос), совсем ума у меня не было' и т. д., и приводим перевод его следующей песни о жене.

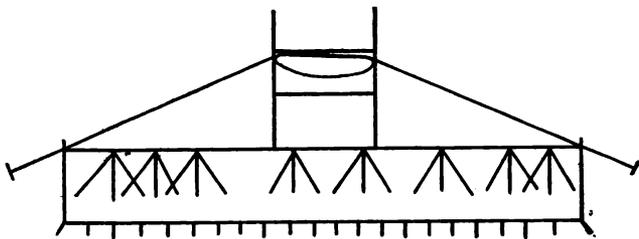

Рис. 3

жу)? Только ворчать буду, мой голос плох (дословно мое горло плохое)". (Вот) распевая, говорил: „Сначала хороший день (пожелаю вам). Счастливо (дословно удачливо) живите. Детей заимев, разбогатев, ни в чем обиды не имейте, не болейте. Разную удачу из дверей выводите. Тепло, хорошо живите. Подобно разным растениям, ввысь идите. Ваше дыхание пусть удлинится. Ваша дверь пусть станет дверью, привлекающей ноги разных людей. Моя речь пусть не моей речью будет, нашего духа-хозяина речью пусть будет. Мое плохое ворчание таково. Поэтому я кончаю. О друзья! Друзья! Все люди, вам радость даю я! (я хочу, чтобы вы радовались). Нашей земли бабушка, где мы родились, богатая наша морская бабушка, богатая наша речная бабушка, (вам) радость даю. Разные голосистые удачи, разные голосистые имеющие крылья существа, разные стучащие, шумящие растения, вам всем радость даю. Хорошо стойте, живите, сидящие, слушающие, (вам) радость даю. Поэтому мой звук я бросаю, мой звук кончился. Я закончил. Разные охотничьи промыслы, *эбарал'и*, *эбарол'и*“».

По пути от стоянок в тундру и обратно юкагиры жили в летних чумах — *лэшэјнимэ*, каждое хозяйство в своем (см. рис. 3)³¹. Деревянный остов летнего чума состоял всего лишь из четырех жердей: (1) *нимэдајң* — двух длинных опорных жердей, образующих остов для кожаного покрытия чума, и (2) *сэспэрал* — двух коротких жердей, образующих опору двери чума. Между опорными жердями на уровне крыши укреплялась поперечная распорная переключина *сајдэрал* (*сајдэң* — поперек), а несколько ниже — *сускэрал* — палка, на которую навешивали железный крюк для чайника или котла.

Покрышка летнего чума составлялась из двух длинных кожаных половинок, сшитых из дыmlеных кож — *н'юд'ијэ*. В середине каждой из них был сделан вырез, совпадающий с таким же вырезом в другой половине. При соединении они образовывали дыmlовое отверстие. По краям его был сделан широкий шов, сквозь который продевался жгут, сплетенный из трех сухожилий. При помощи этих жгутов дыmlовое отверстие можно было расширять или суживать. В верхней части половинок, вдоль линии их соединения (кроме той части, которая предназначалась для двери), были пришиты ремешки, при помощи которых они связывались вместе.

Половинки соединяли на земле. Потом сквозь дыmlовое отверстие просовывали опорные жерди, к которым покрышка привязывалась на уровне поперечной переключины. Опорные жерди поднимали вместе с покрышкой. Концы их устанавливались в специально вырытые ямки и засыпались землей. Затем покрышку растягивали в длину. У места,

³¹ И. С. Гурвич сообщает: «Зимой юкагиры-олленеводы охотники используют чум эвенского типа... летом — облегченную конструкцию этого чума, называемую бои» [5, 223]. Однако названия юкагирских жилищ не совпадают ни с эвенскими, ни с чукотскими.

где устраивались двери, вкапывали по одной дверной жерди. Для ее укрепления сверху привязывали ремень, который крепко натягивали и закрепляли у основания короткого кола, вбитого в землю. Дверь образовывалась простым набрасыванием одной части крыши на другую. Если ветер задувал под наброшенную полу, края двери перекидывали в другую сторону по ходу ветра. Если же ветер дул прямо в дверь, ее закрепляли кольшками и пользовались противоположным ходом. После устройства дверей чум оказывался растянутым в длину. Затем его растягивали в ширину. Для того использовали треноги (*јэшт'э*) с поперечными перекладинами (*јэшт'эт'умдэрал*), на которые опиралась стена крыши чума. Нижние края крыши оттягивали в стороны и прижимали к земле с помощью специальных петель (*сиринноби*), которые надевали на кольшки (*сириннит'абијэ*) в локоть длины, вбитые в землю. Внутри чума возле дымового отверстия при помощи ремешков прикрепляли специальный кусок кожи (*аңин'дуңул'*), которым на ночь закрывали дымовое отверстие. Для завязывания и отвязывания его двое юкагиров приподнимали третьего, который и производил эту операцию.

Летние чумы могли быть разными по длине — от шести до двух пар треног. Место для сна в них покрывалось тальниковыми циновками, которые юкагиры возили с собой, либо багульником. Для защиты от комаров в чуме по длине поперечной перекладки привязывали шалашеобразный полог из оленьей кожи.

Каждый год делалась новая крышка летнего чума из свежеработанных прокопченных кож. Старая шла на изготовление крыши зимнего чума. Иногда в старой крышке меняли прогоревший верх и использовали в течение еще одного лета.

У входа в летний чум устраивался небольшой навес — *сукунлал-шијэ* (дословно одежды придавливатель), под него охотник складывал ружье и охотничью одежду, которую снимал перед входом в чум. Состоял он из двух вбитых в землю колов, перекрытых куском дымленной кожи. Женская одежда складывалась отдельно.

После охоты на гусей юкагиры собирались и договаривались о прикреплении тех или иных семейств к передовым охотникам. После массового забоя гусей предстоял самый ответственный период добычи мяса и шкур диких оленей. В это время олени уходили на север, ближе к Ледовитому океану, где скапливались вблизи озер, в воде которых они спасались от насекомых и жары. Туда-то в конце июля и устремлялись юкагиры.

На стоянке № 6 они оставляли своих домашних оленей, чтобы те не портили пастбища диких своих сородичей. К озерам направлялись верхом на оленях только охотники и небольшое число женщин. С собой брали челноки, которые перетаскивались волоком на оленях. Остальные юкагиры оставались на местах. Раньше необходимого времени охотники никогда не заходили на территорию обитания диких оленей, чтобы они не учуяли запаха людей. От стоянок № 4, № 5 и № 6 к стадам диких оленей шли не напрямик, а в обход, чтобы не вспугнуть их раньше времени.

Придя к озерам, юкагиры выбирали наибольшее из них. На берегу озера затаивались два-три охотника с челноками, так чтобы их не заметили дикие олени. Несколько других верхом на оленях с двумя-тремя обученными собаками отправлялись на поиски стада диких оленей. Обнаружив стадо, они спускали на него собак, которые кружились вокруг оленей и вместе с охотниками гнали их к соответствующему озеру.

Спасаясь от собак, олени бросались в воду. Когда в озеро загоняли все стадо, собаки и охотники бегали вокруг него, чтобы не дать оленям выскочить на берег. В этот момент юкагиры с челноками выезжали на озеро и начинали избиение. Каждого плавающего оленя преследовали поодиночке и, догнав, убивали ударом копья в почку. В иное место бить оленя не разрешалось, чтобы не портить шкуры. Если озеро было большое, убой оленей длился целый день, так как погоня за каждым требовала времени. Все стадо оленей убивать запрещалось. Последнего оставляли в живых и отпускали на волю. Если, по мнению стариков, оленей было убито достаточно, для того чтобы запастись мясом и шкурами, они останавливали дальнейшее избиение животных, говоря, что грех больше убивать. Таким способом каждая охотничья группа добывала до 300 голов диких оленей. Убитые олени плавали на поверхности воды. На следующий день одни охотники на лодках подтаскивали их туши к берегу, а другие выволакивали их на сушу. Если добыча была большая, это длилось целый день.

После этого наступала большая работа по заготовке припасов впрок.

Прежде всего с оленей надо было снять шкуры и выпотрошить их. Обычно кишки вычищали и ели, при этой же охоте их выбрасывали в тундру на съедение зверям и птицам. Люди со стоянок № 6 и № 7 приезжали к озерам и увозили с собой мясо и шкуры для дальнейшей их обработки. С боков жирных оленей срезали целиком без костей большие пласты мяса с жиром, посыпали их немного темной морской солью³² и вешали сушить на вешала (*қон'иң*), которые возили с собой. На месте в пищу употребляли только мясо с костями.

Мясо, проявившееся вместе с жиром, разрезали на маленькие кусочки, которые назывались *эбалэң*. Складывали их в белые мешки из обработанной оленьей кожи, а затем укладывали в другие мешки — большего размера, в том числе называемые *мамқанд'эдоңој*.

Зимой в лесу рога оленей вешали на деревья, а летом в тундре их клали на землю, обратив лицевой стороной к восходу солнца.

Оленьи кости тоже шли в дело, для чего их предварительно измельчали. Дроблением костей занимались одни лишь женщины. С этой целью они возили с собой каменные инструменты: *т'обуриэпурэбэ* — каменный молоток с деревянной ручкой и *т'обуриэалбэ* — каменную ступу. Молоток изготовляли из удлиненного овального камня. Посредине его проходил желобок, в который укладывался ремень. Последний всовывался в единственное отверстие у основания деревянной ручки и крепко привязывался к ней. Ступа, как и молоток, имела небольшой размер и изготовлялась из какого-то крепкого черного камня, в середине которого выдалбливалось углубление. Эти орудия делали мужчины, но пользовались ими женщины.

Из раздробленных костей вываривали жир (*н'ан'ир*). Когда он всплывал наверх, его сливали в другую посуду. После остывания его складывали в *л'укумон'иңој* — маленький желудок оленя. Все это готовилось про запас на зиму — для еды и для светильника³³.

Когда убивали много оленей, то костный мозг (но не головной) также складывали про запас в упомянутые желудки.

Для добычи костного мозга — *т'обул* (от этого слова образовано и название инструментов для дробления костей) — кости ломали поперек.

Костные остатки не разбрасывались. Юкагиры складывали их и

³² Соль юкагиры добывали из морской воды посредством кипячения.

³³ Светильник (*л'эјкэң*) представлял собой деревянную чашку, сделанную из корня (*лобор*). В чашку наливали костный жир и клали в него фитиль из меха. Когда тот обгорал, его поправляли двумя палочками, которые всегда лежали на светильнике.

сжигали на костре. Оставшийся же пепел собирали в кучу и зарывали. Нельзя не отметить, что юкагиры оберегали чистоту тундры. Так, если они находили дохлого оленя в тундре, то, для того чтобы падаль не грязнила ее, его разрезали, мясо разбрасывали на съедение птицам и зверям, оставшиеся после этого кости собирали и зарывали в ямку.

Для перевозки из тундры добытого мяса требовалось много нарт, олень и мешков. При большой добыче их не хватало. Тогда юкагиры делали *савэн лалимэ* — «нарту из шкур». Две оленьи шкуры мехом наружу сшивались вместе. Куски оленины просто складывались в такие мешки, крошеное же мясо предварительно укладывали в новые белые мешки из оленьей кожи, а затем уже в мешок из шкур. Плотно зашив мешок и пришив к нему ремни, юкагиры впрягали в него оленя. Так как мешок хорошо скользил по снегу по ходу волоса, олень легко волочил его за собой. Таких «нарт из шкур» в караване оленей было много.

До стоянки № 7 легче всего было добраться юкагирам из пункта № 4. Поэтому на них возлагалась еще обязанность снабжать стоянку № 7 дровами, которые они привозили из древесных наносов на берегу Восточно-Сибирского моря у устья реки Коньковой. Шли они туда вдоль левого берега реки, что отмечено на карте пунктиром. Там же они находили необходимый материал для нарт и лодок.

Кроме того, они бродили вдоль берега в поисках погибших тюленей и белков (детенышей нерп, выброшенных волнами океана на берег). Из пушистого меха белков делались специальные украшения для зимней верхней одежды, которые окрашивались в красный или темно-бордовый цвет. Из кож крупных тюленей изготавливались ремни, подошвы.

Челноки у юкагиров не сколачивались гвоздями, а сшивались при помощи жил. Найдя на берегу океана бревно нужной толщины и качества, юкагиры делали на нем ложбинку и раскалывали его на плахи. Нужны были три плахи: две — для бортов, одна — для дна. Для последнего выбирали наиболее крепкое дерево, по словам рассказчика, с сучками, а для бортов — без сучков. Из плах топорами вытесывались тонкие ровные доски. Доска для дна делалась более толстой, примерно в три пальца толщиной. Она выдалбливалась примерно на полтора пальца в глубину, причем ширина оставленного бортика соответствовала толщине бортовой доски. Затем в бортике и нижних краях бортовых досок через каждые два пальца тонким сверлом просверливали сквозные отверстия, соответствующие друг другу. После этого челнок в направлении от носа к корме сшивали при помощи толстых ниток, сплетенных из сухожилий, и костяной иглы, выточенной из кости голени оленя. Нитки должны были туго проходить сквозь отверстия, чтобы препятствовать просачиванию воды. Потом швы челнока просмаливались смолой хвойных деревьев.

Последняя заготавливалась, когда юкагиры находились в лесу. Собранный кору со смолой клали в котел и кипятили вместе с водой. Котел закрывали крышкой с просверленными в ней отверстиями, на которую набрасывали собачью шерсть (для этой цели убивали мохнатую собаку). Когда шерсть пропитывалась всплывавшей смолой, ее снимали и бросали в котел с теплой водой. Там, при помешивании палкой, смола густела. Ее вытаскивали, клали на доску и сплющивали. Затем ей давали остынуть, после чего разрезали на тонкие полоски и сохраняли.

В тундре для просмаливания челнока разжигали костер из высушенного торфа. На палочку с развилкой клали полоску смолы с шерстью и согревали ее на костре. Когда она размягчалась, ее клали на шов чел-

нока и пальцами, смоченными в воде, крепко придавливали к нему. Так просмаливались в нем все швы. Затем челнок поднимали и прогревали просмоленные швы у костра, чтобы смола проникла в мельчайшие отверстия и сделала шов непроницаемым для воды. При этом смолу снова придавливали пальцами.

После этого к краям дна челнока прикрепляли костяные полозья, сделанные из кусков рога дикого оленя. Для этого они соответственным образом подтачивались. Приклеивали их клеем, вываренным из рогов дикого оленя. Затем в них просверливали отверстия и приколачивали к дну деревянными гвоздями, изготовленными из верхнего слоя дерева. Приделанные полозья позволяли челноку скользить по тундре, когда его волочили олени, и предохраняли дно от повреждений. Летом челнок прятали от солнца, чтобы оно не растопило на швах смолу.

Кроме челноков осенью делали и нарты. Деревья с крепким наружным слоем, из которого изготовляли полозья, искали в дровяных наносах в устьях рек и на берегу моря. Ножки нарт делали из рогов дикого оленя — самца (*өнт'иэ*), которые собирали в тундре.

Элин қомдэмэң — начало осени, соответствующее примерно концу августа.

Когда охота на диких оленей у озер заканчивалась, охотники сходились в стоянке № 6 и договаривались о начале промысла пушного зверя — песца. Из стоянки № 6 они расходились группами к своим стоянкам, где находились оставленные старики, старухи и зимние вещи.

По пути к стоянкам начиналась эта охота. Сначала охотились на летнего песца. Собаки отыскивали норы, охотники раскапывали их пальмой и убивали животное. Таким образом добывали много шкур. Когда земля замерзала и раскапывать норы было уже невозможно, на песцов охотились при помощи собак и ружей. В дальнейшем, по пути следования караванов по тундре, охота на песцов продолжалась почти до края леса.

Охотники, уходившие со стоянки № 6 к стоянке № 7, не доводили до нее всех своих домашних оленей с запасами мяса и скарбом, а направляли их на стоянку № 5, чтобы стада домашних оленей не портили тундры, где обитали дикие олени. Для себя они оставляли некоторое количество упряжных и верховых оленей, на которых добывались до стоянки № 5. Последняя считалась основной базой охотников и называлась *кэрэлулубэн*. Осенью все юкагиры встречались там и сообща решали, где им проводить зиму — у озер (*Гимир, Мэнақтақ, Дулба*), на Омолоне или в других местах, «чтобы дать отдохнуть земле», по которой они уже кочевали с домашними оленями.

Қомдэмэң — время осени, соответствовавшее сентябрю и октябрю. В этот период начиналось движение юкагиров с севера на юг — от Восточно-Сибирского моря к лесу.

Когда охотники уходили со стоянок № 6 и № 7, они наряду с добычей песцов начинали охотиться на диких оленей с манщиком. Манщик — это специально выдрессированный домашний олень, при помощи которого охотники привлекали к себе стадо диких оленей, чтобы перебить его.

Привожу перевод рассказа Н. Т. Трифонова об этом виде охоты, которую он видел в детстве.

«Когда наступает осень, при помощи манщика охотятся (дословно ходят). Однажды я видел. Мой отец был вожаком (дословно передовиком, т. е. передовым охотником), манщиком охотился. Другие люди тоже были (с манщиками). Охотиться ушли. Табун диких оленей увидели. Мой отец свое седло снял (с ездового оленя). Тогда его това-

рищи тоже (седла) сняли. Мой отец своего манщика подергал. Потом дулом (носом) ружья своего манщика с обеих сторон шеи, у челюсти толкнул (дословно уколел). Его товарищи, как отец сделал, также своих манщиков дулом ружья толкнули. Мой отец своего манщика, подергав, в сторону диких оленей отпустил. Манщик моего отца пошел. Потом манщик моего деда Константина в сторону манщика моего отца, храпя, побежал легкой рысью, кушая (по пути). Другие люди, подергав своих манщиков, отпустили их, (но) манщики не пошли. Там (на месте) стоят, едят, никуда не идут. Некоторые в сторону дома пошагали. Люди очень рассердились. Мой отец сказал: „Потише! Отсюда никуда не уходите! Своих ездовых оленей порознь держите! Лягте!“ Потом мой отец своего ездового оленя дернул. Ездовой моего отца в сторону диких оленей пошагал. Мой отец за своим ездовым, согнувшись (как теленок), пошел. Мой дед Константин своего ездового дернул. В сторону моего отца его ездовой пошагал. Он тоже за своим ездовым, согнувшись (как теленок), пошел. Когда я посмотрел, они от оленей не отличаются, за своими ездовыми (так) шли. Их дохи серые, из шкур дикого оленя сделанные дохи. Я в яме лежал, смотрел. Манщик моего отца к табуну диких оленей пришел, медленно подошел. Дикие олени на манщика моего отца все глядели. Сзади манщик моего деда пришел. Дикие олени бояться стали. Манщик моего отца, захрапев, вдруг назад рысцой побежал. Тогда манщик моего деда Константина, (тоже) захрапев, за манщиком моего отца вдруг рысцой побежал в нашу сторону. Дикие олени за этим манщиком все пошли. Один за другим шли. Манщик моего отца с нашей подветренной стороны прошел. Ближе от нас повернулись, мимо нас прошли. (Тогда) манщик моего отца остановился, начал есть. Манщик моего деда Константина остановился и тоже начал есть. Подобно им, дикие олени остановились. Одновременно с их остановкой из ружей сразу выстрелили. Речь моего деда Константина услышал (я): „Вожака быстро застрелите! С левой стороны находится, быстро застрелите!“ Вожака свалили. Этот табун диких оленей никуда не ушел, в одном месте кружились. Тогда мой отец крикнул: „Хватит (убивать), двоих (в живых) оставьте!“».

Охота с помощью манщика, вероятно, представляет собой очень древний вид охоты. Обучение манщика — дело исключительно трудное. Из рассказа видно, что манщики некоторых охотников не подчинялись их воле, так как были плохо выдрессированы. Н. Т. Трифонов помнит, что лучшим дрессировщиком манщиков был один из Куриловых (имя его в моих записях не отмечено). Манщика пускали к стаду диких оленей на длинном ремне, который изготовляли из кожи лося. Лишь после шести-семи лет обучения охотники отваживались отпускать хорошо выдрессированного манщика без ремня. На пару с манщиком работал ездовой олень, которого также специально дрессировали. Снего снимали седло, чтобы дикие олени не испугались его, а охотник шел, прячась за ездовым оленем, подражая в это время движениям олененка. При помощи храпа, о котором говорится в рассказе, манщик манил за собой стадо диких оленей, а иногда давал этим понять своему хозяину, что он его понял. Приходится удивляться, что охотники неолита могли подвергать животное такой исключительно сложной дрессировке. Как и в других случаях, уничтожая стадо диких оленей, юагиры-охотники не убивали его целиком, нескольких животных обязательно оставляли в живых. Несмотря на то что юагир-охотник жил мясом оленя, он питал к последнему высокие человеческие чувства. Они прекрасно выражены в песне одноглазого старика Антона — двоюродного брата деда рассказчика. Приводим оригинал этой песни и перевод ее:

(1) Ма:ркад'эн мэт қажт'иэ Антон пэлдудие јактэл моримэн. (2) Эл'инл'энол јакта:рэ мони: (3) «Амат'э т'ајлэк, амат'э ма:род'э т'ајлэк. (4) Мит эд'ил туң јawnэј пулгэд'илэ пулгэјлдитэ қоморэјлдитэ т'андэң у:ј. (5) Мит эд'ил јawnэр т'андэң у:бан. (6) Мит Лабунмэдэну абут'иэ митқана түдэ эбаралэк толиэбан. (7) Мит лукунбурэбэ мо:јэ митқана јawно амутнэң толиэбан. (8) Ма:ролэ иэрулэ ки:бан, мит киэјиэ кудиебан ниңомиэјэ иэрулэ. (9) Амаба уоңолэр ниңомиэјэд'ит мэт эврэјол, қо:лэм конмэгист'эсур таңунола:тэјэң (10) Ниңомиэјэ илэ мэт ан'мэрэјол; ниңомиэјэ сэбун'иэт'э мэт шиэјол; л'укуодага, мэт энидо: ираңал энмурги, н'а:т'эги — јуоди:ба удэк курул'уолнуни. (11) Турид'иэ мэт урарит'уолбат, турид'иэ т'уңрэни, амутнэң ура:ј. (12) Толон солқанин' энмун ју:ру:пэңин' пот'эсэјна:рэ ма:лбун ваба:на:дабан толиэлэк т'улбајрэлэк пот'эсэјлбанэ нигидэјрэң эл'инэ мирарэң каwэјнуни. (13) Пэттэң ланн'эрэң у:нуни. (14) Талаwwal' коткэјна:рэ, удэк лэwдиэрэң а:дурэң у:нуни. (15) Ираңалдие ит'уорэң түдэланудэң у:нунд'эн, мэт анмиллаја қажруолдэң јэwлид'энолдэң у:нунд'эн. (16) ју:ру:пэба көткэјна:рэң мэра:рэјнуни, мэлэwдиэнунни. (17) Иңиэнудабанэ сабаргудэк кэwэјнуни. (18) Тада:нэ ју:ру:рэң мэт ираңалба мэпогиэнунни. (19) Тада:нэ погиэнудабанэ мэт ираңалиэ т'угојнэң мира:нуни лэwдијирэң, мэт лаңудэң. (20) А:дуңудаганэ н'уңорэстэң у:нуни. (21) Тада:нэ ју:ру:пэң јawnэр пэтт'иэрэ кэwэјнуни, мэт ираңаллаја. (22) Мэт wалин у:т'иэнунни. (23) Тада wэрwэн пэлиэлэк қанмибаснунун. (24) Таңуллаја:т јуобајрэнимэңин' кэwэјрэ, н'угэлги Н'уноссаwад'а ан'мэра:нунмэн. (25) Қомдэл'э аwэјабарга т'инит'элба нимэңин' кэwэјнунд'эң. (26) Саба:лбун'и н'иэрэ мэт энидо: малбун ваба:на:дабан т'улбајрэлэк пот'эсэјнунун. (27) Нигэдэјрэң пэт'иэнунни, элсаба:т'он нимэланудэң пэтнунни. (28) Лавјэдонилбанэ элсуоса:нун, лукудамад'эбанэ элсуоса:нун, тат у:рэң, нимаба мэтқанэ көткэрэјнунум. (29) Амаба, амаба мэт энидо:. (30) Мэт энидо:лэк элпэлуолморав иэрулпэк пэлнунмэн, қанмибаснунмэн, мэннунмэн. (31) Эврэрэ элэврэјолморав лукунбурэбэпулба эвриэнунд'эн. (32) Т'угуолэдэң т'угуон', wэрwэлэдэ wэрwэј. (33) Н'иңомиэјэ л'уорит'эпулба түдэлэк л'уора:нунд'эн. (34) Н'иңомиэјэ толодуорпэлэк анмилн'эј т'и:н'эң л'уора:нунд'эң. (35) Ка:лит'э анмилн'эј элмонојојд'а:пэн'эң л'уора:нунд'эң. (36) Л'уорэрэ, қанинэ пон'а:јол элгурэли:јэң, мэт энидо: ан'мэра:нурэ. (37) Тада:т са:рулэ эврэлба эгуриэрэ wај түдэл н'уојигијэс нунмэн. (38) Пугуд'эл'э эримэбанэ турид'иэ коңиэнунум. (39) Лајэдаба н'угэлгинлэк ан'мэрэ, тоңониэнунд'эң. (40) Мэт киэјиэ у:дэк мирарэң пэтнурэң у:нуни. (41) Н'иңомиэјэ мургэпулбан у:нуни. (42) јуорқабан, т'умурбан, јалбилбан, энмудиепэбан, мугипэбан јатақ у:нуни. (43) Нэмэн јawул ну:рэ мэма:нунум. (44) Пэлдэлэк малбун ваба:на:дабан толиэлэк т'улбајрэлэк энмун моңон ју:ру:пэ јawулбан пот'эсэјнунун. (45) Та:тл'эллэк нигидэјрэң кэwэјнуни, мэт энидо:, элн'уојигиэ т'уон кэwэјнуни. (46) Талаwлэ лајэврэт пэлдэлэк, мэтлаңудэң н'ат'ин кэт'инунум. (47) Тада: wај қанмибаснунун. (48) Мэт энидо: кун'ил' кинсукунбан мојң сукујин. (49) Туң сукујил т'ит'иркэба мэтқанэ н'иңомиэјэ лэгулэк лэгитэм, н'иңомиэјэ сукунэк ондэм, пугулэрум. (50) Мэт энидо: мирин' јабар јанаспэјрэт. (51) Түдэлэк мол'бил мэд'иң, тэтт'иэнола:јэң. (52) Түдэлэк көдэнола:јэң. (53) Қан'ин мэлугумуј, мэпунна:ј — т'и:ңин' қанмибарэјсэн. (54) Қанмибарэјлпэги элит'уојэң. (55) Н'уңорэллэк кудуолги јуот'и:рэ, мэт јуоди:н лаwјэ wал'барэ помэрэјолги элгурил'ијэң. (56) јэwлугэ:, јэwлугэ:, јэwлугэ:».

(1) Однажды песнь моего деда Антона-старика слышал. (2) Сперва, начав петь, сказал: (3) «Хороший день, хороший удачный день (пусть всем будет). (4) Наша жизнь всех этих растений произрастанию подобна, позеленению подобна, вверх идет. (5) Наша жизнь вся вверх

пусть идет. (6) Наша Куропаточная река-бабушка нас своим дыханием пусть поддержит. (7) Нашей земли хозяин (дословно земли держатель, речь идет о духе земли) нас всех хорошо пусть поддержит. (8) Удачу, охоту пусть даст; перед нами пусть положит разную охоту. (9) О прекрасно! Когда молодым был, разнообразные мои хождения (мои путешествия)! Разве вторично таким стану я? (10) Разные олени, мною объезженные, разные манщики, мною обученные (дословно мною сделанные); (таким), когда он маленький был, мой энидо:³⁴ серые рога его, морда (лицо) его — в глазах (моих) всегда видятся. (11) Он один из (всех) обученных мною, он один (лишь) умный был, хорошо учился. (12) К стаду диких оленей, к криворогим (дословно рогокрывым) посылать начинаю, по обе стороны его шеи у челюсти посохом кольнув, в то время когда посылаю, отряхиваясь сначала, шагом идет (13) (Потом) медленной рысью, быстрой рысью идет. (14) Ближе к оленям подходить начиная, всегда кушая, останавливаясь, идет. (15) Серенького посмотрев, в его сторону иду, позади моего ездового оленя, уподобляясь олененку (оленьим теленком будучи), иду. (16) К кривым (т. е. диким оленям) приближаться начиная, останавливается, ест. (17) Если они боятся (т. е. если он чувствует, что дикие олени его боятся), в сторону уходит. (18) Тогда кривые за моим серым плетутся (ведутся; идут). (19) Когда они ведутся, мой серенький, чуть кушая, быстро шагает в мою сторону. (20) Если они останавливаются, храпя, идет (т. е. подзывает их храпом). (21) Тогда кривые все рысью идут позади моего серого. (22) Мимо меня проходит (мой манщик). (23) Тогда, насколько сил хватает, убиваю. (24) После этого, когда кончу, к чуму уходя, его (т. е. манщика) двоюродного брата Красивобокую запрягаю. (25) Осенним вечером ночью к чуму уезжаю. (26) Если блуждать начинаю, (то) моего энидо:, по обе стороны шеи у челюсти кольнув, посылаю. (27) Отряхнувшись, рысью идет, не блуждая, в сторону чума приходит. (28) Полоску суши (дословно щель), между водою не пропускает (не промазывает), ровное (дословно немного хорошее) место не пропускает, так, идя к чуму, меня доводит. (29) О хорошо! О хорошо! мой энидо:. (30) Моим энидо: не достигаемую добычу (дословно охоту) настигаю, убиваю, беру. (31) Идучи, в тех землях, где не мог бы ходить, хожу. (32) Быстротой быстр, силой силен. (33) На разных игрищах им состязуюсь (дословно играю). (34) С разными детенышами диких оленей, с людьми, имеющими ездовых оленей, состязуюсь. (35) С могучими ездовыми оленями чукчей состязуюсь. (36) Если состязался, никогда поражения (дословно отставания) не знал, езда на своем энидо:. (37) Потом, на лесную охоту ходить начиная, опять его на ремне пускаю. (38) В весеннем снегу он один дорогу прокладывает (дословно режет). (39) На его двоюродном брате езда, сзади него гонюсь (так как он вперед уходил). (40) Впереди меня всегда шагая, рысью идет. (41) По разным густым лесам идет. (42) По низменностям, по возвышенностям, по озерам, по речушкам, по обрывам берегов напрямик идет. (43) Чей-либо след найдя, (меня) ждет. (44) Догнав (его), по обеим сторонам шеи у челюсти посохом кольнув, по дороге криворогошапочных (диких оленей) посылаю. (45) Тогда, отряхиваясь, уходит, без ремня уходит. (46) Диких оленей сзади нагоняя, в мою сторону навстречу (мне) приводит. (47) Тогда опять убиваю. (48) Моего энидо: в течение двенадцати лет держал, берег. (49) В продолжение этого содержания

³⁴ Энидо: — теленок важенки, не достигшей года. Обычно важенки телятся после года.

(он) меня разной едой кормил, разной одеждой одевал, согревал. (50) Моего энидо:, лишь умерев, забуду. (51) Им (с его помощью) на ноги встал (дословно суставы взял), разбогател. (52) Им человеком стал. (53) Когда (он) состарился, начали (его) убивать, людей попросил убить. (54) Его умерщвления не смотрел. (55) Когда лежащим его на боку увидел, что из одного моего глаза (дословно моего глаза половины) слезы (дословно вода) покатались, я не знал. (56) О, бедняжка, о, бедняжка, о, бедняжка!».

Осенью юкагиры охотились иногда и на лосей. Лось в это время не отходит от самки. Следы их хорошо видны на снегу. С помощью собаки охотники находили их следы, преследовали и убивали.

Прибыв на свои стоянки, охотники приступали к устройству ледников (*jarqарал, жаркалалшијэ, жарқанимэ*). Они ставились на льду замерзшей лужи, но не озера или реки. Не ставили их и на снегу, сквозь который в ледник легко проникли бы мыши. Для устройства ледника выдалбливали лед плитами, высотой до пояса. Из них на льду лужи устанавливались стены до десяти метров длиной. В такой ледник перекладывали выпотрошенных гусей, добытых еще во время их массового забоя. Дело в том, что с наступлением холодов в погребах, сделанных в слое вечной мерзлоты, где они хранились летом, становилось тепло, и запасы начинали портиться. Туда же складывали часть запасов мяса диких оленей, добытых в тундре, и рыбу, которую за лето наловили старики. Когда все это было уложено, ледник перекрывали ледяными плитами, сверху которых проделывали отверстия для вентиляции. Щели в местах стыка плит плотно заделывали снегом, политым водой. Каждое хозяйство устраивало для себя свой ледник.

Ледники оставались закрытыми до пугуд'эмэн, т. е. до весны. Когда юкагиры, оставив зимние стоянки, прикочевывали к краю леса, запасы пищи, хранимые в них, шли в дело. За ними ездили на нартах. Поездки к стоянкам, где находились ледники, использовались для заброски в безлесную тундру дров. Их оставляли в определенных местах на пути будущих летних кочевий. На обратном пути, в тех местах, где находились дрова, откладывали и небольшие запасы пищи, которые укрывали так, чтобы они были недоступны для всяких хищников.

Если запасов в ледяных хранилищах было много, то на лето их снова перекладывали в погреба, которые имелись на стоянках.

Лашјэмэң — время замерзания воды, т. е. рек, озер, совпадающее примерно с ноябрем.

Снег в это время полностью покрывал тундру. Расставшись со своими стоянками, юкагиры постепенно продвигались на юг, к месту своей предстоящей зимовки. В пути на остановках ставили маленькие зимние чумы.

В это время юкагиры охотились на диких оленей, догоняя их на нарте. Для этого в легкую нарту впрягали (рядом) пару быстрых и сильных оленей. Заметив диких оленей, охотник догонял их и ехал параллельно бегущему стаду, пока олени не привыкали к его виду и не переставали его бояться. Успокоившись, в какой-то момент стадо оленей начинало огибать нарту, словно собиравшееся кружиться вокруг нее. Тогда охотник, высматривавший все время вожака, первым его убивал. (Иначе он уведет оленей.) Стадо, лишенное вожака, в недоумении задерживалось, и тут охотник, стреляя в оленей, убивал их, сколько мог. Однако двух-трех оленей он обязан был оставить в живых. Если же стадо не успокаивалось и продолжало убежать напрямик дальше, охотник на своей легкой нарте догонял его и стрелял в задних оленей. Этот вид охоты называется *пирид'иэл*.

Когда караваны двигались по тундре к краю леса, на озерах продалбливали лед и ставили сети для подледного лова рыбы.

В тех хозяйствах, где не было достаточного количества оленей, охотник на нартах заранее отвозил вперед по дороге часть груза, а затем возвращался обратно за оставшимися людьми и остальным скарбом³⁵. Груз, перевезенный заранее и временно оставленный на дороге, назывался *кэрд'илэң*.

Прибывая в лес к месту своей зимовки, юкагиры начинали новый годовой цикл своей жизни.

В заключение своего очерка мне хочется сказать, что все, кто когда-либо займется изучением юкагирского языка, должны с глубокой благодарностью вспомнить юкагира Николая Трифионовича Трифонова за все сведения, которые он дал науке о своем народе, за то, что он помог раскрыть тонкую поэтическую душу одного из загадочных народов крайнего северо-востока Азии — юкагиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение,— «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 63—87.
2. Гурвич И. С. Была ли известна юкагирам экзогамия?,— «Советская этнография», 1969, № 2, стр. 87—92.
3. Гурвич И. С. Полевые дневники В. И. Иохельсона и Д. Л. Иохельсон-Бродской,— «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 85, М., 1963, стр. 248—258.
4. Гурвич И. С. Социальная организация юкагиров,— сб. «Общественный строй у народов северной Сибири», М., 1970, стр. 248—263.
5. Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири, М., 1966.
6. Гурвич И. С. Этнографическая экспедиция в бассейн р. Индигирки,— «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XIX, М., 1953, стр. 28—42.
7. Иохельсон В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, СПб., 1900.
8. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. 1, СПб., 1900.
9. Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону, СПб., 1898.
10. Крейнович Е. А. Юкагирский язык, М.—Л., 1958.
11. Курилов Г. Н. О терминах родства и свойства тундренных юкагиров,— «Советская этнография», 1969, № 2, стр. 92—96.
12. Курилов Г. Н. О некоторых юкагирских топонимах,— сб. «Советское финно-угроведение», т. IV, вып. 1, Таллин, 1968, стр. 67—70.
- 12а. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, т. II, III, [б. м.], 1953.
13. Трояков П. А. Промысловые и магические функции сказывания сказок у хакасов,— «Советская этнография», 1969, № 2, стр. 24—34.
14. Jochelson W. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus,— «Memoirs of the American Museum of Natural History», vol. XIII, pt I, Leiden, 1910; vol. XIII, pt II, Leiden, 1924.
15. Shiefner A. Beiträge zur Kenntniss der jukagirischen Sprache,— «Mélanges Asiatiques», 1871, t. IV, Livr. 3, 4, стр. 409—446.

³⁵ Об этом способе перевозки, называемом на Колыме «кочевать с отвозом», пишет и В. И. Иохельсон [7, 12].